

Борис Корнев

«ТРЕЩИНЫ» ВО ВСЕЛЕННОЙ

Эссе, новеллы, рассказы, очерки

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2020

Корнев Б.Ф. «Трещины» во Вселенной:
Эссе, новеллы, рассказы, очерки. – СПб.: Ис-
торическая иллюстрация, 2020. – 188 с.

ISBN 978-5-89566-222-9

В сборнике новые эссе, рассказы и очерки, пронизан-
ные общей мыслью и рассуждениями автора о времени,
смысле жизни и поиске самого себя. В нем также полюбив-
шиеся читателю несколько произведений о таинст-
вах любви из вышедшей ранее книги «Тайны „пылаю-
щего Разума“», награжденной дипломом Всероссийской
литературной премии имени А.К. Толстого.

Художник – Андрей Спиридонов
Корректор – Людмила Николаева

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 25.10.2020. Формат 60 × 90 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 5,875 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № ???

Отпечатано в типографии «Арт-экспресс»
199155, Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, 17, к. 3

© Б.Ф. Корнев: текст, 2020
© «Историческая иллюстрация», 2020

*«Удивительно, что может
сделать один луч солнца
с душой человека...»
(Ф.М. Достоевский)*

*«Во всём есть трещинки.
Сквозь них проникают
лучи света...»
(Леонард Козн)*

Случается так, что, постигнув неизве-
данное доселе очарование чего-то для
тебя нового, неожиданно близкого и уди-
вительно родного, человеческий Разум
вдруг становится пылающим. Преодолеть
это «воспаление чувств» едва ли возмож-
но. Мысли не рождаются... Они вдруг

взлетают, как чёрная тень случайного прохожего, попавшего под свет редкого фонаря, и тотчас исчезают. Исчезают тоже как тень, быстро скользя по стене и перегибаясь на выступах.

Именно теперь нужно аккуратненько надрезать колючую кожуру окружающего мира, порвать на себе непроницаемую оболочку привычных эмоций и сквозь трещины и там, и там вдохнуть нежный аромат Жизни! И море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникнет в твою душу, наполнит восторгом, умилением и немножко истомой... Эти ощущения всюду вокруг и внутри тебя! В мелькнувшем блике солнца на капельке утренней росы... В слабых лучиках уходящего дня, успевающих порезвиться на водной глади... В блеске твоих глаз... Они на летящих облаках, лишь одно мгновение видимых на мокром песке после отката волны...

Где-то там...

Эссе

Может что-то пойти не так. Сломается каблук, подгорят блины, не понравится платье... Близкие не захотят смотреть твой любимый фильм... Может случиться всё что угодно. Так вот! Если что-то не получается, это ещё ничего не значит! Просто сейчас это что-то идёт не так, как ты хочешь. Как сейчас хочешь... Уже завтра, а может, через минуту многое изменится. Никогда не делай поспешных выводов, не принимай резких решений и тем более не спеши их реализовывать. Сядь, посиди, послушай хорошую музыку, вкусно покушай, купи себе новое платьице, улыбнись и поверь – к этому моменту ничего решать

уже не придёт. Время – это ресурс, который способен решить всё и всегда. «Немедленно жди!» Жди, лишь изредко спрашивая себя: «А что будет, если сейчас ничего не сделать?»

И вообще, не гонись за счастьем, как бы оно ни выглядело. Лучше найди то место, где оно водится. И счастье само тебя найдёт. Случаются такие моменты, когда Судьба приходит и стучится в твою дверь. Это может произойти одним из миллиона способов – через хорошую книгу, танец, который тебя танцует, музыку, проникающую прямо в душу, собачку, котёнка или птичку, через страсть, прозрение в творчестве, цветок, закат или рассвет... Будь открытой, чтобы сразу почувствовать это!

Главное – иметь возможность выбора. А для этого ставь только самые высокие, большие, но реальные цели. К маленькой цели ведёт только один путь, а к большой – много. И не позволяй быстрым решениям уменьшать их количество! Ведь можно же заменить неудачный блин, или вместо блинов сделать греночки с только что сва-

ренным в мешочек куриным яйцом, или лучше вообще отказаться от мучного... А фильм смотреть в одиночестве – вообще блаженство! Полностью отдаёшься эмоциям. Причём только своим! Всё самое мудрое рождается именно в одиночестве!

В конце концов, можно просто умчаться куда-нибудь на чудесный остров... Там радость каждый день! Кстати, её совсем не сложно получить здесь и сейчас. Нужно только к какой-нибудь вдруг случившейся неудаче относиться как к удаче, смысла которой ты ещё не поняла. Правда, если всё время везёт, тогда радость превращается в привычку и... исчезает. Так для того и даётся время, чтобы не сразу радоваться, а сперва чуть-чуть помучиться, прозревая и угадывая очередную удачу! Но, что важно! Всегда, даже если кажется, что всё очень плохо, хорошо бы сразу умудриться подмечать крупицы хорошего! Красота есть во всём, но не всем дано это видеть. Кто-то умный сказал: «Можно всю жизнь проклинать темноту, а можно догадаться зажечь маленькую

свечку...» Свет собственного ума – самый лучший. Он освещает и снаружи, и внутри, позволяет понять, что для тебя вредно, а что полезно. Здесь сокрыто и трудное, и интересное... Ведь это тот самый миг, когда ещё пылающий Разум уже начинает гасить твои первые эмоции.

К примеру, враг – это же ужасно! И, тем не менее, не бойся его. Он нужен! Он мотивирует. Бойся иметь плохих друзей, они дезориентируют и тянут на дно. Это токсичные связи. Их нужно как можно быстрее почувствовать и постепенно, медленно «вымывать». Токсичное и вредное никогда не вырывай из «клеток» своей души! Это почти всегда больно, да и небезопасно. Только вымывай! Постепенно, как в медицине капельницей... Красивое и полезное, напротив, – старательно натирай! Как крупы речного золотого песка...

А лучше забыть всё это, оставаться собой, сесть на берегу или устроиться где-нибудь в лесу на полянке... и любоваться. И тогда море ощущений, как вдох свежего

воздуха через распахнутое окно, проникнет в твою душу, наполнит восторгом, умилением и немножко истомой... Эти ощущения всюду вокруг и внутри тебя! В мелькнувшем блике солнца на капельке утренней росы... В слабых лучиках уходящего дня, успевающих порезвиться на водной глади... В блеске твоих глаз... Они на летящих облаках, лишь одно мгновение видимых на мокром песке после отката волны... Самое главное – сказку не спугнуть! Она ведь такая хрупкая, мимолётная и призрачная!

Но она где-то там...

«Трещины» во Вселенной

Эссе

В Израиле растёт такой кактус – «Сабра».

Его плоды с острыми иголками.

*Если надрезать плод, внутри
сладкая нежно-розовая мякоть...*

У меня есть приятель, он из Тель-Авива. Мы там вместе работали ещё в конце девяностого. Уже заканчивалась «Война в Заливе», и по улицам, только что расчищенным от завалов после ракетных ударов, ходили патрули из совсем юных местных девчонок. Они носили винтовки за спиной, перевёрнутые вниз дулом. Оружие почти волочилось по земле. И смешно, и грустно...

Тот кризисный проект был особенным. Нужно было придумать, как сохранить интеллектуальную собственность крупного предприятия в условиях двойной неопределённости. Неопределённости состояния как самой компании, так и всего того, что вокруг неё. При этом первоочередная задача – в сплошном болоте негатива отыскать хоть какой-то кусочек твёрдой почвы, ту самую кочку, оттолкнувшись от которой можно начать движение вперёд. Не сыщешь – не будет успеха! Впрочем, это аксиома для всех кризисных проектов.

Как-то раз сидим, попиваем местный ликёр «Сабра»... Кстати – изумительный эликсир! А приятель – мудрый и вообще хороший человек – мне и говорит:

– Это наш национальный напиток. Он из сока диких апельсинов, пропущенного над парами шоколада. Вначале кисло и даже в глубине горла горько, а потом начинается чудо! Сказывается шоколад. Он сглаживает резкие вкусовые ощущения. – Приятель вдруг замолчал, посмотрел

куда-то вдаль, улыбнулся и продолжил: – Вот так и у нас... Мы вначале колючие, вроде неприветливые даже, а поговоришь, выслушаешь, поделишься искренне своими переживаниями, и на тебе – мягкая отзывчивая душа открывается...

Это он про израильтян. А я подумал тогда, как похоже на наши проекты! В кризисе обычно так всё плохо, что, если не увидишь хоть крупицу хорошего, не сможешь работать сам и не удержишь в команде других, таких разных и с уникальными способностями участников проекта. У каждого своя философия и система ценностей. Именно поэтому иногда они бывают так нетерпимы друг к другу. Любые отклонения от оптимальной архитектуры их взаимоотношений и постоянно меняющиеся ожидания обязательно вызывают вспышки негодования. Ради общей цели приходится их гасить сердцем тому, кто отвечает за информационную, психологическую и энергетическую составляющие проекта. Это не любовь и не дружба. Это партнёры.

С израильским партнёром разговаривали на французском. И он, и я – на слабеньком французском. Зато всё понятно! Уже хоть какой-то плюс! Даже пели вместе песни Джо Дассена.

Я вспомнил слова своего приятеля четверть века спустя, когда жил во французской Каталонии и второй раз в жизни наслаждался ликёром «Сабра». Позади много интересных встреч, обилие всяких кризисов в разных странах, в разных бизнесах и на перепутье эпох... Не пойму, почему, но тогда подумалось на первый взгляд совсем о другом: «А ведь везде по-разному говорят привычную фразу после приветствия!». Вернее вкладывают в неё разный смысл. «Как дела? Как здоровье?» Или, как в Испании: «Ты как?» Отвечают тоже по-разному. И только в Израиле отвечают: «Наслаждаюсь жизнью!» Ничего так!

Это было в милом городке Сере, что около Пиреней на юге Франции, совсем рядом со священной горой каталонцев Канигу. Там, если уж кукушка начнёт

кукувать, то она это проделывает, пока тебе не надоест считать... Там всё инфицировано... – нет, не коронавирусом, – живописью! Десятки галерей только на одной улочке! Этакая мекка для французских художников. Они здесь почти все побывали. Каждый в своё время, конечно. Так вот, сижу я ранним утром в знаменитой кафешке, где на чашках красуется имя Пабло Пикассо, люблюсь памятниками XIII века – «Ворота Испании» и «Ворота Франции», попиваю кофе да случайно оказавшийся здесь ликёр «Сабра». Мой пёс Масик рядом на стуле устроился, ушки наострил, высматривает всё вокруг. Должно быть, охраняет «свою интеллектуальную собственность». Вдруг звонок из издательства. Говорят, что в Серё на почте уже неделю лежит-ждётся авторский экземпляр моего нового «шедевра». «Сабра» – хорошо, но поддержать в руках плод своих творческих мук – пожалуй, лучше! Заканчиваем утреннюю «медитацию» и быстренько топаем на почту за посылкой. По пути заходим до-

мой, и там я оставляю Масика. На почту собачек не пускают. Конечно, мой пёсик обиделся...

Почта только что открылась. Под табличкой «получение бандеролей» восседает симпатичная брюнетка с карими глазами. Её рабочее место отделяла от посетителей стеклянная перегородка с окошком. Девушка медленно и с видимым удовольствием раскладывала у себя на столе милые вещицы. Я нетерпеливо заглянул через окошко... Ну конечно! Пудреница, зеркальце, мобильник... Постарался и вымолвил с каталанским акцентом:

– Доброе утро, милая девушка! Как поживаете?

Привычно и безразлично взглянув на, как ей казалось, увлечённого ею мужчину, она взяла с полки первую попавшуюся поздравительную открытку и с обезоруживающей улыбкой всучила её мне, небрежно бросив при этом куда-то в сторону: «Наслаждаюсь жизнью»...

Да ладно, что ответила на иврите те самые слова, которые я на каждом шагу

слышал в Тель-Авиве, – хотя это редкость здесь, на границе с Провансом и Пиренеями. С открытки глазел Масик... Время для меня остановилось. Бог с ней, с этой красавицей! Пусть себе любит свои пудреницы! Любоваться моим пёсиком на случайной открытке хотелось часами. И ведь как похож!..

Потом было много других примеров того, как люди наслаждаются каждым мгновением жизни. В Лиссабоне в магазине у кассы женщина болтает со знакомой кассиршей, а за спиной в очереди человек десять... Я уже был готов завопить на неведомом мне португальском! А люди из очереди спокойно разговаривают друг с другом на свои темы. На лицах даже намёка нет на то, что они теряют время! Помню, подумал тогда: «А ведь они наверняка даже не знают, как зовут их премьер-министра!»

Всю свою жизнь моя мама проработала акушеркой и только во время войны была медсестрой в детском доме. Иногда ей приходилось раздавать детям еду на

обед. Голод, холод, почти все болеют... Она накладывала в их тарелки кашу и чуточку оставляла про запас. А потом спрашивала: «Кому добавки?» Все тянули руки вверх и радостно уплетали эту самую «добавку». При любых условиях уметь создавать или находить что-то радостное – это так важно! Уже позднее на праздники она пекла для своих родных малюсенькие пирожки с капустой. Если найдёшь в нём шоколадную конфетку, то это «на счастье»! В каждом пирожке была шоколадная конфетка...

Богатство – это не то, в какой ты шубе ходишь, на какой машине едешь и какой мобильник у тебя в руках! Богатство – это здоровые дети, надёжные друзья, любимый человек и занятие, которое тебя увлекает! Если ты способен видеть, ходить, говорить, любить и каждое утро вставать с постели, чтобы сделать что-то хорошее, – ты сказочно богатый человек! Ты наслаждаешься жизнью...

Кто-то мудрый сказал: «Есть три лоушки, которые воруют твою радость:

сожаление о прошлом, тревога за будущее и неблагодарность за настоящее».

А вообще, хорошо жить целых две жизни!

Я, например, так и делаю. Одна в мечтах, другая – в реальности. Это просто. Нужно только соблюсти два условия. Хорошее воображение и минимальная инерция любых переживаний. Хотя технология, конечно, сложна. Сначала нужно вербализовать возможные варианты развития событий. Тех, какие тебе бы хотелось. Затем нужно их представить ярко, звучно, сочно и расположить в порядке значимости. Сделал? Уже хорошо. Ну а потом ждать! Это самое трудное. Не просто ждать, а при этом, как поётся в известной песне, «сказку не спугнуть и миру бескрайнему окна распахнуть». Тогда в распахнутое окно судьба забросит много чего. Целый поток возможностей! Главное не уменьшать их количество, торопясь принимать решение, выбирая то или иное. Судьба круче нас всех! Она сама подведёт тебя к правильному движению

души. Однако вначале, повторюсь, нужно точно описать все свои желания. Зачем? Для того, чтобы не перепутать потом и сделать правильный выбор. Останется лишь руку протянуть!

Или вовремя отдёрнуть...

Не получится? Да и ладно. Инерция – ноль! Другую мечту придумаю! Но зато, если на меня вдруг счастье свалится с небес, то я, как мой маленький щенок, тотчас захочу плескаться в нём, разбрызгивая крупички радости.

Но всё это мило, если тебе не нужно ничего делать! Ничего из того, что не хочется. В таком состоянии очень любопытно наблюдать за событиями в мире. Именно любопытно. Ни больше, ни меньше! Только тогда ты не пропустишь залетевшую в окно почти невидимую «жар-птицу» Судьбы и даже успеешь ухватить её за перо.

Наверное, это не в последнюю очередь объясняется неким безразличием, что ли. С этим чувством я отношусь ко многому из того, что раньше представлялось мне

важным. К примеру, могу с лёгкостью выключить ютуб или закрыть книгу без закладки на самом интересном месте и пойти гулять с Масиком... Чувствовать всю прелесть настоящего! А уж как я люблю спать после обеда!.. Лишь бы слышать, что рядом храпит любимый пёсик и время от времени вздыхает от удовольствия.

Прелесть!

Когда ты всё время переживаешь за желаемое, ты не можешь наслаждаться жизнью, не слышишь и не чувствуешь её тёплое дыхание, в большом городе не замечаешь очаровательных и богатых историй маленьких улочек, не вдыхаешь аромат медового алиссума, рассаженного вокруг памятников... Вместо этого ты создаешь никому не нужный избыточный потенциал твоего биополя. Оно заставляет тебя цепляться за мечту, а твой компьютер виснуть. Равновесные силы, согласно науке, «заталкивают» это биополе в тебя обратно и не дают того, чего ты так хочешь. Часто советуют: «Не переживай!» Глупая фраза. И, тем не менее, всё более

чем логично и понятно. Вербализуй мечту и тогда сможешь ею управлять или хотя бы контролировать. Она не будет тебя цеплять, сдерживать и гасить всё остальное. Легко сказать! А попробуй-ка сделать! Есть люди, у которых всё получается, и Вселенная словно играет по их правилам. Большинство из нас не такие...

Сегодня особый случай! Как раз сама Вселенная приходит на помощь. Солнечная система находится именно в таком «рукаве» нашей Галактики, где совпадают скорости вращения вокруг её центра как всех звезд, находящихся в «рукаве», так и самого «рукава». Редчайшее явление, надо отметить. В любом другом случае дополнительное мощное излучение просто убило бы всё живое и все их мечтания тоже.

Теперь помечтаем. Ровно в две минуты третьего озвучу желание, заранее продуманное и коротко сформулированное. Оно обязательно должно быть теоретически реализуемое. Использовать бумажный или иной носитель – это лишнее!

Достаточно произнести вслух. Хоть шепотом... Думаешь: «Чушь!» Не скажи! Всё дело вот в чём. При ограничении «желания» по времени и «массе» его импульс становится менее заметным и практически неопределённым. Опять эта неопределённость! При полной симметричности временной координаты это обстоятельство вполне может правильно сформулированному желанию добавить энергии. А её, наверное, будет достаточно для преодоления барьера. Вероятность тем больше, чем меньше набор желаний и энергии, которой недостаёт для преодоления высоты барьера. И ещё – чем уже потенциальный барьер. Вот это, третье условие случается раз в тысячу лет... Во как!

Следующая возможность такого «туннельного эффекта» появится только 3 марта 3030 года в 3 часа 3 минуты. Хотя наверняка есть ещё похожие сочетания цифр. Просто я о них не ведаю. Формализованная информация о предъявляемом требовании к желанию поступает из... Уж и не знаю откуда! Но, как мне кажется,

это таинство происходит только при совпадении в одном мгновении целой череды на первый взгляд случайных событий: порыва ветра урагана «Глория» свыше 100 километров в час, звука от ломающегося рядом дерева и одновременных молнии и грома... Ну, и конечно, Галактика! Куда без неё! Солнечная система обязательно должна находиться в её рукаве Ориона.

Шучу!

Главное: во время вербализации желания должен греть камин, Масик – излучать тепло своей души, а холодная водочка согревать всё остальное... Тогда не сработает та самая «фига», которая напоминает здесь о себе почти на каждом шагу, и только тогда «вдруг запляшут облака...» и удастся проникнуть в недавно обнаруженные «трещины» в нашей, в общем-то, неприглядной Вселенной...

Впрочем, о чём это я? Причудливые изменения, превращения, необыкновенные стечения обстоятельств... Причём тут кактус «Сабра» и вся эта фантазмагория

с наукообразием? А притом! В наш колючий век с его кризисами и вирусами, возрастающими частотами Шумана и падающими котировками мы даже не замечаем, куда бредём. Неуёмно увеличиваем свои притязания, боимся любить и слишком часто ненавидим, научились выживать, но не жить...

Аккуратненько надрежь колючую кожуру окружающего мира, порви на себе непроницаемую оболочку пагубных привычных эмоций и сквозь трещины и там, и там вдохни нежный аромат Жизни!

Парикмахерская напротив...

Эссе

В этом милом городке Сере набрали мы с Масиком на чудную парикмахерскую “Coiffure Martine”! Здесь «без записи», и сразу всё поняли, достаточно было обнажить голову. Масик всласть набегался по салону. А я наконец-то постригся и наговорился по-французски про всё на свете...

Смотрю в зеркало, а кажется – куда-то в прошлое, и чуть заметная ухмылка не сходит с лица... Так бывает, когда только думаешь улыбнуться. Хочется приподнять руку, поприветствовать и, слегка

пошевелив пальчиками, тут же проводить Былое... Всё – и пахоту 80-х на благо всех, и жуть 90-х и нулевых... Псевдобизнес, деньги, наезды, и снова деньги... Смерти одногодок... Каждый день, будто ты на солнечной поляне, усыпанной разноцветными игрушками... А чья-то артиллерия усердно пристреливает цель. Недолёт, перелёт... Недолёт, перелёт...

И совсем не странно и не больно сознавать: то, что некогда для тебя было всем, – оно позади...

Ни за что на свете не хотел бы стать моложе ни на двадцать и ни на тридцать лет! Сейчас я намного счастливее. Я точно знаю, что мне нужно и без чего я могу прожить, а без чего – нет!

Уходить нужно вовремя! От прошлого, от мрачных мыслей и от горьких воспоминаний, от отношений, изживших себя, и от людей, разрушающих вас. Помнить – да! Но не растворяться в них. Мы часто забываем, что нам никто не принадлежит. Ни наши мужья или жены, ни дети или внуки, ни друзья или возлюбленные... Мы

можем только чем-то делиться с ними. То и дело переживаем, когда у нас чего-то нет, а хочется. Когда нам чего-то не дали, а мы ждали. Редко задумываемся о том, от чего нас уберегла Судьба, не дав желаемое сейчас. Всё приходит и уходит вовремя!

Даже чудеса. У Роберта Рождественского есть такие строки: / А солнце не восходит, а взлетает, / Земли мне почему-то не хватает. / Верю я теперь в чудеса, / Трепетно стремлюсь в небеса... /

Если тебе повезло, и чудо случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окружающим миром и, что ещё важнее, – с самим собой! И не стоит искать её снаружи. Она появляется изнутри. Это то, что может быть только в твоём сердце. Это не новая работа, не новая машина или новый брак. Гармония – это мир в душе, и он зависит только от тебя. Нужно оставаться самим собой. Со своими недостатками и слабостями, со своим мировоззрением и ценностями. Быть счастливым с собой. Хотя бы

потому, что это самые длинные отношения, которые у тебя есть.

И ещё. Глупо ждать, что придёт время, и станет легче, проще, лучше... Время не приходит, оно только уходит. Нужно учиться быть счастливым прямо сейчас! «Увидеть мир в одной песчинке и Космос весь – в лесной травинке! Вместить в ладони бесконечность. И в миге мимолётном – вечность!» (*Уильям Блэйк*).

Ну вот! Постригся...

Новые океаны

Эссе

Июнь. Цвет зелени сквозь пелену влаги оттеняет холодную гладь неба. Воздух насыщен сладким ароматом цветущей сирени, яблони и рябины. Он опьяняет и пробуждает воспоминания о чем-то милом и нежном. По прошествии стольких десятилетий, встретив однокашников, легко оглядываться в прошлое! Еще лет двадцать назад было не так. А теперь совсем не чувствуешь этой дьявольской смеси из давно остывших страстей – зависти, ревности, гордости, потока развенчанных мечтаний. Бездействует и печально известный эффект «портрета Дориана Грея». Вместо того, чтобы изумляться

старению одногодок, вглядываешься в их лица и с головой окунаешься в юность. Угадываешь озорной блеск в глазах приятелей молодости, превратившихся в степенных ученых мужей. Вспоминаешь ещё не приглушённые годами порывы души и знакомое, чуть заметное движение руки когда-то понравившейся девчонки... Слышишь беззаботный смех, вновь чувствуешь радость от дружбы в походах, на празднованиях дней рождения, в стройотрядах. Почему-то именно там, а не на уроках, лекциях или семинарах, где нас испытывали бесконечными «тестами на выживаемость».

Как всплывают воспоминания? У всех по-разному. У меня сначала появляются запахи, звуки, красочные картинки, а уж потом они влекут за собой события и факты. Помню боль в руках, когда, насмотревшись фильма «Человек-амфибия», мы, будто в воду, Ихтиандром ныряли с парты на пол. Слышу музыку французской речи нового учителя литературы. Чую острый запах аммиака, выползающий из-под

неработающих вытяжных шкафов в лаборатории. До сих пор ощущаю дым от папирос профессора на всех его лекциях по неорганической химии и кисловатый привкус в воздухе после запуска в полёте главной лестницы факультета ритуальной ракеты на День химика...

А танцы под «Мишель» на верхнем этаже общежития! Там, в конце коридора, притаилась маленькая комнатка. В ней после военных сборов одно время скрывался от коменданта наш однокурсник. Изголодавшиеся по острым ощущениям, в этой забытой Богом каморке мы днями напролет играли в покер. Время от времени выныривали в коридор и, проплывая мимо пришедших на танцы, стреляли сигареты. Потом вновь погружались в мир искусственных эмоций... В комнате не было ничего особенного – железная койка с давно не стираным бельём, длинный стол, сколоченный из досок, и шесть табуреток. На столе невесть откуда взявшаяся потёртая бархатная цвета бордо скатерть с рюшами. Еще на вбитом в стену

гвозде висела корзина с книгами. Такая простая плетёная корзинка для ягод и в ней, помню, «Игра в бисер» Гессе, «Милый друг» Мопассана, а рядом с каким-то учебником по органической химии – «Маленький принц»...

Как же хочется вернуться в то время! Тогда свежесть чувств ещё не успевала поблекнуть под гнетом вездесущего рас-судка!

Теперь, спустя столько лет, ясно созна-ёшь, что все эти годы в первую очередь мы искали самих себя. Искали, будто в фан-тастическом романе, как в «Игре в бисер», порою не зная правил и пытаясь совме-стить несовместимое. Пробовали новое, ошибались, набивали синяки и шишки, вновь бросались в омут неизведанного. При этом мы всегда помнили известную истину: «Человек не сможет открыть но-вые океаны, пока ему не хватит мужества потерять из виду берег» (*Андре Жид*)...

От укоренившейся привычки к труд-ностям и к постоянной борьбе за «счаст-ливое будущее» на глазах появлялись

шоры. Они заслоняли множество других возможностей для самовыражения. И тог-да мы вынуждены были заниматься тем, что противоречило изначальному пред-назначению. Душа постепенно тускнела, заполнялась рассудительностью, рассчёт-ливостью, пропадал блеск глаз, исчезало чувство упоения и радости.

Вместо того, чтобы сначала понять са-мого себя, раскрыть способности, изба-виться от разрушительных убеждений или комплексов, часто силятся разобрать-ся в окружающей обстановке. Конечно, искать себя трудно. Мы боимся этого больше всего на свете. Кажется, если не побывать у врача, то и болезни не будет. Как похоже на не очень складные, но точ-ные по передаче чувства слова из песни: «И солнце б утром не вставало, когда бы не было меня...»

Вот именно! Солнце не только не вста-нет. Оно не будет освещать твой жизнен-ный путь. Жизнь у каждого одна, и свет для каждого свой. Для фанатика это факел, прожектор. Вспыхнул однажды,

ослепил, и – никаких сомнений! Вот и бежит такой безумец, будто глупый заяц перед зажжёнными фарами «мерседеса». Ведь прожектор только тогда не слепит, когда светит в спину. Другой, не инфицированный патологической идеей, плывёт от звезды к звезде, попадая в ловушку их поля притяжения. Так и блуждает в бесполезных поисках своего «я», копируя кумиров и идя за кем-то на чужой, невидимый ему свет. По сути это чёрная дыра. Свет от такой звезды из-за ее огромности не может оторваться. А во тьме крошечной даже не знаешь, чего хочешь. Обычно хотят изменить свою жизнь, но не знают, как и, что ещё важнее, – в какую сторону. Оставаясь в темноте без поводья, волея-неволей начинаешь самостоятельно искать свой Очаг. Ищешь как умеешь. У одного это происходит быстрее, у другого – медленнее. Кому-то остаётся всего лишь шаг. Но этот шаг порою оказывается длиннее жизни.

Знаю, для многих наступал такой момент, когда нужно совершить прорыв,

выйти за рамки привычных представлений о возможном. Почти всегда это соседствует с опасностью! Неизбежно наступает своеобразный «флаттер» – жёсткая вибрация души и тела. Некоторые не выдерживают – сбрасывают скорость. Лишь отчаянные нажимают на газ и попадают в сверхзвук. Эти познают радость движения по жизни! Они, будто в сёрфинге, наслаждаются долгим скольжением по склону волны. Нужно лишь научиться подольше оставаться на её вершине в ожидании подходящих изменений, хорошо владеть самим собой и чувствовать малейшие дуновения ветра.

В девяностые, на перепутье эпох, свежие новости больно давали о себе знать. Зачастую они противоречили старой картине мира. А новую мы никак не могли себе представить. Тогда многие по несколько раз вынужденно ломали свою жизнь и потом мучительно искали любую кочку, на которую можно было бы опереться в трясине всеобщей неопределённости. Вокруг были иные люди и непривыч-

ные, несовместимые понятия и эмоции. Газеты с множеством орденов Ленина над названиями ругали советскую власть... Длинные ряды мерзнувших у метро плохо одетых людей продавали книги, носки, напильники... А где-то блистали роскошью корпоративы, дурманил запах дорогих лосьонов, хороших сигарет и упругих пачек новеньких долларовых купюр. Криминал, бандиты, чиновники с неизменным «нет» на любую просьбу... Деньги, деньги, деньги...

Многие к таким поворотам судьбы были не готовы. «Когнитивную ригидность» приходилось гасить. Одни заливали душу алкоголем. Другие, наталкиваясь на разбросанные повсюду привлекающие игрушки, ринулись в бизнес. И те, и другие потом пополняли своими надгробиями городские кладбища. Тогда никто из них даже не догадывался, что только пять процентов от всех людей на планете могут заниматься предпринимательством. Такие из двух рублей сделают три, а потом ещё тридцать три, и дадут работу дру-

гим. Тогда ещё не знали, что бизнес может породить дружбу, но дружба бизнес – никогда! Мы переносили в новую неизведанную среду обитания привычные человеческие чувства: обиду, ненависть, любовь, зачастую по привычке одной рукой брали то, что плохо лежит, другой – тут же отдавали первому встречному жулику, выбрасывали деньги, чтобы «не пропали», одним глазом на икону дивились, другим – на ток-шоу в телевизоре.

Несмотря ни на что, выжили и те, кто остался верен своему первоначальному выбору. Их совсем немного. Сейчас они преподают то, чему учились, они в науке, у них есть свои ученики. Некоторые девицы удачно вышли замуж и посвятили себя семье и детям, третьи уехали за границу и там пытались найти применение своим умениям... Кто-то, как в набитый людьми «трамвай желаний», всё-таки влез в бизнес, в управление, в политику.

Так или иначе, но всё это время каждый искал свой приют души, этакую Бухту Провидения. Не тихую гавань, где

можно укрыться от житейских бурь! Другое! Место, где не успеваешь фотографировать всё, что тебя окружает. Дело, которое сначала раскрыло твои способности, а затем позволило их реализовать... Люди, с которыми ты работаешь, с кем дружишь, кого любишь...

Если тебе повезло, и это случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окружающим миром и, что ещё важнее, с самим собой! Больше не нужно ничего ломать и переделывать, «высокие горы сдвигать», «менять течения рек», «по полюсу гордо шагать»...

Это как у загадочного поэта и художника Уильяма Блэйка... Аккуратно постриженная травка на газонах, обыкновенный листочек, колышавшийся на ветру... Особенно осины! Если ночь была холодной, поутру на нижних лапах елей появляются хрупкие паутинки. Много тонких паутинок... Прикоснёшься – и они рассыпаются блестящими на солнце брызгами. А на фоне заходящего за кромку леса яр-

кого оранжевого круга утренние белые берёзы стоят совершенно чёрные, и в молодом ельнике плутают последние отблески красного цвета. Будто кто-то не загасил костёр... Море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникает в твою душу, наполняет восторгом, умилением и не вполне понятной истомой. То же чувствуешь при звуках грустной мелодии Зацепина из фильма про Арктику «Красная палатка»...

Ты почти счастлив!

Почему почти? А вдруг в тебя проникнет хандра или подберётся тоска по буйной молодости... Тогда знаешь что? Отвлекись на минуту от природы, от родных, от любимого дела, сядь в машину и поезжай в большой город, возьми мою собачку и поброди с ней на поводке по тихим улочкам. Увидишь тех, кто в утреннем сумраке тёмной массой движется от метро к какому-нибудь НИИ. Они, будто инопланетяне, с вечными наушниками от телефона и на ходу разговаривают сами с собой. Подожди, пока рассветёт, выйди на

проспект и ты столкнешься с иными. Эти снуют туда-сюда, в них ещё кипят неуёмные желания, они рвутся куда-то и жаждут богатства...

Увидел? И тех и других? Правда же, ты испытал необычное чувство? Теперь гони обратно и учись ценить, использовать и любить каждое мгновение твоей жизни!

Один рассказ...

Новелла

Я вдруг вспомнил! Кир Булычёв! Писатель, доктор наук, Индией занимался... Познакомился с ним ещё в восьмидесятые, когда курировал от обкома приморско-восточный институт востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение). А я им только что постановлением бюро обкома 900 квадратных метров «отнял» от какого-то НИИ на Дворцовой набережной и передал для архивов. Очень сложно было! Все против! Чисто аппаратно обыграл гадов! Потом эти востоковеды меня «на руках носили», а позднее, уже в начале девяностых, готовили к поездке в Израиль, когда ещё не было с ним дипотношений.

Так вот этот Кир... Уж не знаю, чего его в Ленинград занесло из Москвы, подарил мне свою книжицу, и там был рассказ обалденный, фантастический, нежный такой... Я читал при нём и вдруг заревел, помню, на последней фразе...

Все, кто сидел в кабинете директора, просто опешили... Чтобы из обкома товарищ и ревел...

Сегодня из них, кто был тогда в кабинете директора, только Михаил Пиотровский остался. Мы с ним в Выборге встретились, через лет двадцать, когда моя компания сдавала Эрмитажу его новый выставочный центр. Он удивился тогда.

— А вы что здесь делаете?

— Не поверите! Сам не знаю. Тянет... К проблемам тянет.

Помню, там был директор Лувра, длинный такой... Мы с ним в основном и трепались. С кем ещё?! Я же его костюм отмывал от цемента! Измазался французик, когда подпись свою выдавливал на цементной стене.

А рассказ не помню. Помню, что ревел... Там что-то такое: телефонный разговор, путаница со временем, блокада и вдруг семидесятые, карточки продуктовые, потерянные, и фантастически нежный конец.

Я тогда, наверное, первый раз подумал: как же здорово уметь так рисовать!

Случается так, что, постигнув неизведанное доселе очарование чего-то для тебя нового, неожиданно близкого и удивительно родного, человеческий Разум вдруг становится пылающим. Преодолеть это «воспаление чувств» едва ли возможно. И тогда влюблённый зритель постепенно, мучительно, но неотвратимо становится переводчиком языка чувств на язык слов...

Дыхание времени

Эссе

Поздняя осень. Португалия. Берег океана. Ощущение безграничности и покоя проникает в душу, наполняя её восторгом, умилением и не вполне понятной истомой. Далеко за горизонтом Америка...

Так же вот стоял и любовался, только давно это было. И океан был другой, а Америка – рукой подать, за Беринговым проливом. То была самая восточная точка Евразии – мыс Дежнёва. В часе на вертолёт бухта Провидения...

Теперь – самая западная точка континента – Кабо да Рока! Час на автомобиле, и – Лиссабон. В переводе «бухта Благоденствия». Что-то здесь есть мистиче-

ское... Между «Провидением», по сути, в начале самостоятельной жизни и «Благоденствием» сегодня почти полвека бурного бытия. Половина этого времени – эпоха перемен. Кажется, чего проще! Садись в самолёт: Бухта Провидения – Анадырь – Тикси – Москва – Лиссабон, так за солнцем и лети себе... Даже не заметишь. Один миг! Время в полёте такое же, что и разница во времени – двенадцать часов...

Нет! Тут всё как-то само случилось. Или Судьба распорядилась? Не сразу, конечно, минуя целый пласт спрессованного времени – долгий путь духовного поиска. Этакий «Серединный путь». Особенно в девяностые! Шаг в сторону – пропасть! Не ломать преграды на своём пути, а «немедленно ждать», не уменьшая количество возможностей. Это чем-то напоминает сёрфинг. Там тоже нужно удержаться на вершине волны, постоянно чувствовать всё вокруг: прибой, порывы ветра, брызги и, конечно, самого себя... Если это удаётся, значит, ты владеешь некой Тайной и легко скользишь по волне жизни.

Замечу, и сегодня, и тогда не открытая вода, а именно бухта – защищённый от волн приют души. Понятно, почему. Потому что только в уединении проявляются и Благоденствие, и Провидение.

Триста миллионов лет назад именно здесь разделились две тектонических плиты. Целый континент отошёл... Северная Америка. На краю Старого Света виден лишь обнажившийся скол земли – свидетель того природного сдвига. Учёные говорят: «Соединятся потом... Чуть развернутся, но обязательно соединятся». Только когда? Два сантиметра в год!? Опять миллионы лет? Однако, если вдруг что-то внешнее и очень мощное повлияет... Тогда всё может случиться очень даже быстро. Правда, в таком случае плиты, как и люди, не успевают привыкнуть друг к другу и, «больно» притираясь, образуют новые горы. Где-то здесь, вблизи Лиссабона, на прибрежной равнине в низовьях реки Тежу они и появятся...

Мир так придуман. Всё может быть! Осенью на берегу океана это почувствуешь

особенно! Рядом с тобой творится чудо. Видишь дальше и глубже. Разгневанная, вспенившаяся волна, подобравшись к берегу, гаснет и растекается по песку. Тонкая водяная плёнка соскальзывает обратно в океан, будто в сказке, оставляя на берегу совсем безобидную, уже ненужную белую воздушную пену. Одно мгновение на мокром песке видятся летящие облака и успевают порезвиться слабые лучики уходящего дня. Вдаль и вширь вдоль склола земли на многие километры тянутся дюны и гладь воды. Перед закатом они незаметно переходят друг в друга, и кажется, что ты уже где-то там, далеко-далеко, по ещё сверкающей дорожке на поверхности океана несёшься за солнцем и пытаешься его удержать.

Увы, рано или поздно всё, что мы хотим сохранить или удержать, шатается, рвётся, утекает сквозь пальцы. Но именно это хрупкое непостоянство делает нашу жизнь такой необыкновенно красивой, как уходящий день. Закат, пожалуй, единственное явление природы, которое

позволяет видеть Время. Не только чувствовать, как, к примеру, наступление Нового года или очередной День рождения, но и реально увидеть. Причём видеть по-разному, каждому по-своему и всегда сквозь личные переживания, будто истинное произведение искусства. Восход тоже красив, но ведь новый день только начинается. А Время особенно ценно, когда его мало. Конечно, есть ещё движение светила по небосклону... Но здесь нет зримой утраты, нет естественной грусти по уходящему дню, по проводам Солнца за горизонт...

Самая большая печаль – ощущать необратимое течение времени из прошлого в будущее. Грустные мысли и чувства ничто по сравнению с этой общей для всех утратой. Они просто гасятся одной огромной эмоцией. Наверное, потому и сказал Экзюпери: «Когда тебе грустно, хорошо смотреть, как садится солнце».

Хоть и сказал Вийон ещё полтысячи лет назад: «Не придумано аркана, чтоб удержать мгновений бег», но так хочется

остановить время и насладиться иллюзией ещё не развеянных мечтаний!

Вдруг сразу вспомнились комсомольская юность, Арктика... Оглядываюсь сейчас: нет рядом свежей кромки льда, запирающей выход домой из моря Бофорта. Не слышен жуткий гул обрушающейся глыбы айсберга, нет заснеженных вершин Чукотки и Аляски, разделённых Беринговым проливом со скалой «Прощай» посередине... Почему-то вдруг здесь, под Лиссабоном, а не у станции Боярка представилась та самая узкоколейка, которую строили первые комсомолы для спасения Киева в сорокоградусный мороз... Протянулась вдоль всего берега океана. Узенькая такая... С одной единственной стрелкой под номером «13». Будто неймётся кому-то. Катает туда-сюда вдоль скола материка беспечно загорающих, как бы напоминая о трагедии «природного сдвига»... И о том, что сдвиг этот не только в прибрежных скалах, но и в душе каждого.

Мы ведь даже не замечаем, что бредём куда-то в пропасть. Неумно увеличиваем

свои притязания и сокращаем ценности, мало читаем и, общаясь «смайликами» и «иконками», отрезаем себя друг от друга, боимся любить и слишком часто ненавидим. Не поспеваем за реальностью, а она тотчас жестокой оплеухой всё расставляет по своим местам. Вот уже Солнечная система начинает выходить из тёмного рукава нашей Галактики в зону с другими энергиями. Вспышки на Солнце и магнитные бури ускоряют «пульс планеты» – резонансы Шумана... Одновременно резкие, дикие социальные перемены накапливают в нас страх, обиду и раздражение. Гаснет тепло души. Она становится колючей, застывшей, её дыхание уже не поспевает за «волной Шумана» – своеобразным «ритмом жизни» планеты. И за это Земля медленно, незримо, но неотвратимо отторгает нас от яви, уводя в сны. Мы становимся лишними и беспомощными, как пена прибора...

Но вот наступает утро, и вдруг замечаете, что здесь повсюду цветёт вереск! А хвойный лес вблизи океана какой-то

особенный. Утром, был ночью дождь или его не было, он одинаково влажен. Пар в лесу виднее в солнечных лучах, насквозь пронзающих густые ветви елей и сосен. Он рождается, быстро исчезает, потом снова покрывает длинные зелёные иглы прозрачной вуалью, будто это учащённое дыхание планеты. Всё вокруг нежное и живое. На нижних лапах елей хрупкие паутинки. Прикоснёшься – и они рассыпаются блестящими на солнце брызгами, окропляя ярко-лиловые цветы вереска.

Пройдёт год, потом другой... Время унесёт с собой и плохое, и хорошее, оставляя лишь пену на берегу. На месте сорванного стебля вереска обязательно появятся новые побеги, и жизнь вновь расцветёт красками густых соцветий – лилово-розовых, пурпурных, белых, золотистых...

Не в единении – наедине с самим собой...

(вояж по двухтомнику «Избранное»)

Эссе

Слишком долго довелось мне заниматься кризисами. Это формирует какой-то особенный взгляд на обстоятельства и людей, в них оказавшихся, заставляет всматриваться в мелочи, зачастую тонуть в их омуте и потому не спешить с принятием решений. Дьявол, как говорится, в мелочах! Не всегда поймёшь, какая из них взорвётся. В кризисе главные проблемы ясны сразу, но только не их «носителям». Личность и общество, друг и враг, мужчина и женщина, владельцы бизнеса и

управленцы или их подчинённые... Всё это «носители проблем», в силу тех или иных причин оказавшиеся в неопределённости кризисной ситуации. Все они – следствие сложных отношений. И причины их не в «слабой любви» к женщине или ненависти к врагу, в отсутствии профессионализма в деле, недостатке или избытке денег, не в ошибках в производственных технологиях... Тут у них чаще всего всё хорошо! И чем лучше обстоят дела, чем сильнее любовь или ненависть, тем сложнее таким людям найти выход из вдруг, откуда ни возьмись, образовавшегося кризиса. А чем острее кризис, тем опаснее выход из него. Война, политика, любовь, поиск самого себя, особенно на перепутье эпох... Социопроблемы, отношения между людьми, так или иначе связанными между собой, – не их профессия! Тут вроде как и так всем всё ясно... Только одно «но»! Уж больно часто все они волею судеб оказываются «в одиночестве». Не «одинокими», а именно «в одиночестве»!

Почти все герои моих книжек там оказались из-за сложившихся обстоятельств. Правда, видят это одиночество не все, а если и чувствуют что-то, духовных сил хватает не у каждого. Потому и выходят из него все по-разному... Кто мучительно, но счастливо, как офицер, партизан-одиночка Астахов из «Дальтоники» или четырнадцатилетний «власовец» Василий со своей сестрой Зиной из повести «Одна на всех...». Четверо друзей-одноклассников из «Реальной четвёрки» хранили общую тайну, которая потом разъединила их и, по сути, обрекла на «одиночество». В результате почти все нашли свой выход из кризиса. В девяностые прошлого века, на перепутье, многие не сумели найти себя! Так случилось с Дворским, учёным, горе-бизнесменом из романа «Тандем»... У этого в итоге даже случилось раздвоение личности. И вроде как в обществе пребывал и всё ему нравилось... Процессник! А аппаратчик Кондратьев из рассказа «Реликтовое излучение»? Он ведь так и не прорвал кокон виртуального обще-

ния. Не хватило духовных сил. Не скопил. Так же, как писатель и Антон из рассказов «Глава первая» и «Последние капли дождя»... Каждый день совершая героизм на маленькой «сессне», летая между заснеженных вершин Альп, Антон не смог справиться со своим Я в обычной жизни, испугался, исчез...

И Бодлер, и Вийон из повести «Танец Психеи» – тоже. Хотя и искали себя всю жизнь, но так и не смогли выбраться из клубка преследующих их противоречий.

Да, в кризисе, в сложных обстоятельствах, трудно. Даже больно! И «душевное бедствие» терзает... Ещё хуже, если его не чувствуешь! Ломка отношений с окружением и, тем более, с самим собой – не подарок судьбы! На нём нет бантика с надписью «кризис». Хотя... Очищает, смывает всё наносное и пагубное, раскрывает личность – именно он! Вернее, его разрешение. С любым концом! Конечно, это не происходит само собой. Бывает, кризис гложет, гнобит, гнетёт и, в конце концов, губит. Когда остаётся *не в единении, а один на один с самим*

собой, наедине со своей совестью, со своими духовными силами, – именно кризис позволяет, даже заставляет прорвать полог обыденности и возобладать над обстоятельствами, над течением времени, остановить его или даже повернуть вспять. Как этого достичь, не поняв самого себя, не найдя, не скопив в себе той самой «духовной силы»? Да никак!

Нужно сказать, что тема «уединение или одиночество» – это интересно. Многие, в зависимости от привычного применения, путают эти два понятия или размыывают их отличия. Меня это всегда активизирует и подвигает к размышлениям. Противоречия или неопределённость, вообще, заставляют думать, а потом, что гораздо реже, действовать или хотя бы писать о них.

К примеру, почему Василий из повести «Одна на всех...» каждый год приходит к родным на празднование 9 Мая? Там все герои войны: кто в танке горел, кто без ноги вернулся... А он для них «малолетний власовец». Пьют, пьют, а потом бьют

его... И так каждый год. Почему плачут, когда бьют, – понятно, а вот зачем Василий приходит вновь и вновь?..

Почему в кризисе нужно «не уменьшать количество возможностей», а при норме «создавать новые»? («Немедленно ждать!»). Как отличить «уверенного» от «убеждённого» («Дальтоник»)? Вопросы, вопросы, вопросы... И на все читатель должен найти свой ответ.

Ещё сложнее разобраться: «любовь» это или «влечение» («Срывая вереск...», «Последние капли дождя»), «предательство» или «патриотизм» («Маленькая улочка в большом городе»). А «форма и содержание» в искусстве! Кто кого гасит? Если содержание – то, пожалуй, это и не искусство вовсе, а нечто иное!

Повторю: многое зависит от привычного отношения к вопросу. Слишком часто хочется всего, причём ещё и ещё... Метафор и аллегорий формы, захватывающего детективного и одновременно познавательного содержания, всё новых и всё более ярких возможностей. Могут и так

поступить, и этак. Разве это плохо? Да, где-то хорошо. А где-то – гибельно! Как отличить одно от другого?

Мы привыкли к книгам и фильмам про «Анну Каренину» или «Наташу Ростову». Почти все сериалы про то же самое. Только и слышим: люблю, любимая, любовь... Так и хочется воскликнуть фразу из известного фильма: «Кака любовь?» В обычном «влечении» видим совсем другое, но столь привычное понятие и торопимся «таку любовь» зацементировать в брак. А уж если это не просто влечение, а целая «страсть»? А ведь всё очень просто. Про истинную любовь ни читать, ни смотреть не выдержит никто! Только страсть подавай! Только она интересна, она сдвигает горы, меняет течения рек, зовёт на подвиг, порождает ревность и т. д. и т. п. Но она на год-два! Как же быть? И здесь хотя бы на время нужно окунуться в спасительное «одиночество», очищающее и эмоции, и мысли.

Предательство или патриотизм («Маленькая улочка в большом городе»)? Согласитесь, это же разные вещи – страна и

государство, а тем более его глава! Министр иностранных дел Франции Талейран присягал Франции – не Наполеону. И когда гениальный дипломат понял пагубность политики императора для своей Родины, да и для себя родимого, то, во-первых, как приличный человек, покинул пост министра иностранных дел в его правительстве и только потом предал. Да, предал Наполеона! По сути, вся жизнь Талейрана – эгоцентризм в действии, одиночество, закрытость и постоянные сомнения при видимости блеска, богатства, власти и уверенности в себе. А в итоге – спас Францию! Иначе в 1814-м союзники, при всём уважении к ним, раздербанили бы эту прекрасную страну на мелкие кусочки, пусть и в границах конца восемнадцатого века. Примерно так, как в похожей ситуации сделали с другой европейской державой в середине прошлого столетия. Там тоже были свои «талейраны», но у них не получилось!

Тем не менее Наполеон, погубивший три поколения французов, – националь-

ная гордость, а Талейран, – чаще всего имя нарицательное. Был министром при пяти сменявших друг друга режимах, и, изменяя им, он никогда не изменял ни себе, ни Франции, награждён высшими орденами почти всех известных стран... «Его должны были бы украшать венками, а в него кидают грязью», – писал о Талейране Оноре де Бальзак – классик французской литературы и большой знаток души человеческой. Лишь одна маленькая улочка носит его имя. Словно памятник одиночеству выдающейся личности, уединилась она в VII округе Парижа. И та узенькая, с односторонним движением, ни одного деревца, ни одного цветка... Почему так?

Размышляя об основных понятиях метафизики: о человеке, его проблемах и трудностях существования в окружающем мире, философ-экзистенциалист Хайдеггер так определил связь между «уединением» и «одиночеством»: «Такое „уединение“, есть, наоборот, то „одиночество“, в котором каждый человек только и достигает близости к существу всех

вещей...» Вот реакция учёного на неустойчивость и трагизм жизни, незащищённость человека от социальных бурь и потрясений, на возрастание отчуждения между людьми! Только вынужденное одиночество, если оно осознано, если есть и собраны воедино духовные силы, способно подвигнуть человека на изменения в себе или в окружении и даже на подвиг.

Часто вспоминаю где-то прочитанную заметку о подвиге лётчика, спасшего детей. Он посадил горящий самолет. Дети остались живы, а пилот погиб... Но началось всё с другого подвига! О нём мало кто знает. Эти дети в самолёте из детского дома. Когда пришли оккупанты, они приказали брать кровь у детей для своих солдат. Директор детского дома рассудительно заявил: «Да они же немытые и не кормленные! Как можно вашим солдатам давать их кровь? Нужно покормить, проверить болезни...» Оккупанты согласились. Директор выиграл время, отвёл детей в лес к партизанам и уже оттуда на самолётах их вывезли к своим...

Наверное, как было бы сильно встать скалой во весь рост на пути Зла и гордо крикнуть: «Не дам трогать детишек!» А теперь что? Вдруг кто-то услышит, увидит, подумает, что он заодно с этими гадами. Мощная, прекрасная загадка души – хрупкая, тончайшая грань, которая разделяет фанатический эгоизм блюсти чистоту своего Я и почти цинизм, почти измену глубоко продуманного шага! И там и там героизм. Мгновенный и, так сказать, пролонгированный во времени. Только вот дети спасены лишь в одном случае. А вдруг собрали бы на площади жителей городка, построили перед ними детишек и впереди директор детского дома... Что тогда?

Счастье подвига не только когда встанешь во весь рост, крикнешь: «За мной! В атаку!»... и не нужно оглядываться назад.

А уединение – это другое! Это намеренное, осознанное состояние человека. Там живёт осмысление, но не поступок. От одного до другого чаще всего вечность, вся наполненная спокойствием, негой и беспечным щебетанием птиц. Это я в

уединении! Сам себе придумал его и вот уже пятый месяц сижу один, балдею от природы и от столь любимой мною неопределённости... Мне и силу душевную копить вроде ни к чему. Вот только что и делаю – размышляю, чего бы ещё сотворить эдакое пронзительное о проблемном, противоречивом и неопределённом...

Маленькая улочка в большом городе

Очерк

Париж! Душа моя здесь со школьной скамьи. Память хранит многие адреса, факты и особенную красоту этого великого города. Города, где воздух от земли до крыш мансард пропитан ароматом любви, где тебя завораживает трогательное и незабываемое звучание его маленьких улочек, скверов и церквей, ушедших и сохранившихся свидетелей сложной и, наверное, как у всех, запутанной истории страны.

А сам я?.. И сам я, случись что, – тут как тут. Всегда и везде объявляюсь в са-

мые необычные моменты. В Барселоне во время незаконного референдума о независимости, в Москве во время терактов на Тверской, в Питере, когда был взрыв в метро, в Тулузе сразу после введения чрезвычайного положения... Даже во время жуткой трамонтаны в Перпиньяне и урагана «Лесли» под Лиссабоном умудрился присутствовать. Вот и сегодня, не ЧП, конечно, но знаковая встреча руководителей четырёх стран Европы.

Лишь бы мне в эту яркую череду событий не вносить свой вклад! А то ещё организм сам вспомнит мои двадцать лет антикризисных проектов... Нет, я не спасатель и не «интеллектуальный спецназовец». Так, за ностальгией...

Завтра побываю на самой узенькой улочке – Кота Рыболова (*rue du Chat-qui-Pêche*). Там одно время жил Бодлер. Потом на перекрёсток улиц Сен-Жак и Эколь (*rue de Saint-Jacques et rue des Ecoles*). Здесь была неправильно повернутая церковь для «чокнутых» – Сен-Бенуа-ле-Бетурне (*Saint-Benoit Le Béturné*). Потом по

длинной лестнице на Монмартр, на самый верх Парижа – к Базилике Сакре-Кёр (*Basilique du Sacré Coeur*).

Ещё поищу улицу Талейрана (*rue de Talleyrand*). Уже давно задумал написать про великого дипломата, предавшего своего императора, но спасшего Францию.

* * *

Прилетел из Барселоны в аэропорт «Шарль де Голль». «Своих» не застал. Должно быть, вся делегация уже отбыла. Вовремя! Всюду очереди, очереди, очереди... На поезд, на автобус, на паспортный контроль... Несмотря на Шенген – в одной только Франции устроили проверку паспортов для любых рейсов. Хоть из стран Шенгена, хоть из Африки. Нечто похожее у входа в вагон редкого поезда от аэропорта до Северного вокзала, потом у выхода из него. Стоят в разных униформах при оружии не то полиция, не то военные. Всматриваются в лица проходящих. Фейсконтроль! Всё ищут кого-то... А рядом во всём красном молодёжь. Видимо,

волонтёры. Как похожи на китайских «хунвэйбинов» или на российских «наших»!

А вот и гостиница! Называется «Искусство Монмартра» (*“Arts des Montmartre”*). Бесплатно пить чай, есть хурму и нисперо... Спать!

Вот он, зимний утренний Париж! Сколько разных воспоминаний! Однако дождь. Не работают одиннадцать из четырнадцати линий метро. Такси-Uber не дожидаться, на автобусы очереди. Опять этот сакраментальный вопрос: «Что делать?» Хотел самокат электрический взять напрокат. Передумал. Не Барселона! Только там тротуары в три раза шире мостовых и есть специальные дорожки для всяких чересчур спортивных особ. Лучше пережду час-другой и схожу туда, где никого нет. «На кладбище!» – говорю себе. И отвечаю: «Правильное решение!»

На кладбище Монмартра (*Cimètiere de Montmartre*) легко заблудиться. Указатели названий многих улиц повернуты не туда. То ли их ветром снесло, то ли кто-то

невидимый помог... Однако могилу Эмиля Золя (*Émile Zola*) нашёл сразу. Она на возвышенности и рядом с большим уже по-зимнему голым деревом. Вернее, не могилу нашёл. Она здесь была только первые шесть лет после смерти писателя. В 1908-м её перенесли в Пантеон (*Panthéon*). А тут только кенотаф. Пишут, что Золя умер от отравления угарным газом, якобы из-за неисправности дымохода в камине. Однако позднее некий трубочист Анри Буронфоссе признавался в том, что намеренно заблокировал дымоход квартиры писателя в Париже. Вот что значит – под конец жизни возлюбить социалистическую идею и выступать против силовых структур с разного рода заявлениями!

Долго под дождём высматривал «Стендаля» (*«Stendhal» – Marie-Henri Beyle*). В знак уважения к роману – предшественнику психологического реализма хотел сфотографироваться рядом с надгробием с двумя раскрытыми зонтами. У меня они с собой: красный – мой, он всегда в кармане куртки, и чёрный – из гостиницы!

Могилу еле отыскал! Черты лица на барельефе совсем не напоминают Стендаля и на памятнике всё по-итальянски написано. Это такая дань городу Милану, где, как говорят, даже запах конского навоза чуть не до слёз трогал молодого сублейтенанта драгунского полка. “Arrigo Beyle. Milanese. Scrisse. Amo. Visse...” (*«Appigo Бейль. Миланец. Писал, любил, жил...»*) Очень любил Милан! А после русской кампании, естественно, разочаровался в Наполеоне. Поход на Россию – это вам не блестящая Итальянская кампания! Подумать только! Все свои рукописи потерял, когда через Березину перебирался.

А вот Дюма-сына, Эдгара Дега и певицу Далиду так и не нашёл... Жаль! Как будто не прочитал «Даму с камелиями», не видел «Голубых танцовщиц» и не слушал “Paroles, paroles, paroles...” Зато всюду вереск! Опять эти лиловые соцветия, похожие на ландыши и воспетые Аполлинером (*Guillaume Apollinaire*)! Они меня преследуют! И в Андорре, и во французской Каталонии, и в Португалии, и в Испании

рядом с Барселоной. Теперь вот и в Париже достали.

Наконец-то удалось поймать Uber. Прямо от кладбища едем к мосту Александра III. Вот здесь надо отметить. Когда бываю в Париже, всегда фотографируюсь на этом месте. Попросил сфотографировать... китайских туристов. Их тут много! Уже виден купол Дворца Инвалидов (*Hôtel des invalides*). Слева от него должна быть маленькая улочка Талейрана.

Талейран – предательство или патриотизм? Всегда актуальная тема. То разные понятия – страна и государство, а тем более его глава! Министр иностранных дел Франции Талейран присягал стране, а не Наполеону. И когда гениальный дипломат понял пагубность политики императора для своей Родины, да и для себя тоже (надо сказать, понял значительно раньше Стендаля), во-первых, как человек благопристойный, покинул пост министра в правительстве Бонапарта и только потом предал. Да, предал Наполеона! По сути, вся жизнь Талейрана – эгоцентризм в дей-

ствии, одиночество, закрытость и постоянные сомнения при видимости уверенности в себе. А в итоге – спас Францию! Иначе в 1814-м на Венском конгрессе союзники, при всём уважении к ним, расчленили бы эту прекрасную страну на мелкие кусочки. Примерно так, как в похожей ситуации сделали с другой европейской державой в середине прошлого столетия. Там тоже были свои «талейраны», но у них не получилось!

Так предательство или патриотизм?

Наполеон, погубивший три поколения французов, – национальная гордость. Его останки лежат неподалёку от этой незаметной улочки с именем Талейрана, но во Дворце Инвалидов в саркофаге из шокшинского малинового кварцита. А Талейран... Это имя чаще всего нарицательное. Был министром при пяти сменявших друг друга режимах, и, изменяя им, он никогда не изменял ни себе, ни Франции. Награждён высшими орденами почти всех известных стран. «Его должны были бы украшать венками, а в него кидают

грязью», – писал о Талейране большой знаток души человеческой Оноре де Бальзак (*Honoré de Balzac*). Лишь одна маленькая улочка носит имя Талейрана. Словно памятник одиночеству выдающейся личности уединилась она в VII округе Парижа, узенькая, с односторонним движением, ни одного деревца, ни одного цветка. Всего-то сто пятьдесят шагов! Даже в Пантеоне ему места не нашлось, как, впрочем, и Бальзаку. Эх, Франция, Франция... Ну почему так?

Чувствую, что-то меня гложет. Точно! Коли уж этот лиловый вереск на кладбище опять явился предо мной, грех не вспомнить моё любимое пятистишие Аполлинера «Прощание» и тайны «пылающего Разума» поэта:

*Срываю вереск. Осень мертва.
На земле – ты должна понять
Мы не встретимся больше.
Шуршит трава
Аромат увядания. Осень мертва.
Но встречи я буду ждать.*
(пер. М. Кудинова)

А здесь недалеко кафе «Бык на крыше» (*“Boeuf sur le Toit”*). Там в двадцатые годы, уже после смерти поэта проводила время муза Аполлинера художница Мари Лорансен (*Marie Laurencin*), покинувшая его осенью после пяти лет любви. Надо отметить, что все возлюбленные поэта покидали его именно поздней осенью...

*Под мостом Мирабо тихо Сена течёт
И уносит нашу любовь...
Я должен помнить: печаль пройдёт
И снова радость придёт
И ночь приближается, пробил час,
Я остался, а день угас.
Проходят сутки, недели, года...
Они не вернутся назад.
И любовь не вернётся... Течёт вода
Под мостом Мирабо всегда...*
(Г. Аполлинер. Мост Мирабо;
пер. М. Кудинова)

Кафе «Бык на крыше» – место тусовки парижских художников, поэтов и прозаиков, такое же, как в Сере кафе «Пабло» около Испанских ворот. Нужно только

вернуться к Сене. Пройти метров триста по набережной Орсе (*Quai d'Orsay*) до моста Инвалидов (*Pont des Invalides*), а потом ещё с километр по проспекту Франклина Делано Рузвельта (*avenue Franklin D. Roosevelt*), пересечь Елисейские поля (*avenue des Champs-Élysées*), и вторая направо – улица Колизе (*rue de Colisée*). Там в доме номер 34 оно и находится.

Pardon! Оказывается, это ресторан! И открывается он только с 15 часов... На кладбище Пер-Лашез (*Père-Lachaise*), где похоронен и Аполлинер, и Лорансен, не пойду! Достаточно могил на сегодня. Да и далеко! На другом берегу и ещё километра три-четыре за площадью Бастилии.

Должен заметить, у меня ещё с кризисных проектов особенное пристрастие к мелочам. Ведь дьявол именно в них! В любом деле есть две-три детали, на которые стоит обратить внимание, иначе в дальнейшем проблем не оберёшься. И, кстати, мелочи – это лакмусовая бумажка. Она часто проявляет порою сокрытое от глаз.

Итак. На маленькой улочке Талейрана мы побывали. На такой же, только раза в три длиннее, улице Колизе – тоже. Теперь на самую узенькую. Её ширина всего два шага, а длина тридцать метров. И, тем не менее, эта улица Кота-Рыболова (*rue du Chat-qui-Pêche*), вернее сказать переулок, существует ещё с XVI века! Здесь была лавка. Её остроумный хозяин на вывеске нарисовал своего кота и написал: «Каждый здесь выудит» (*“Chaque y pêche”*). А звучит одинаково и первое, и второе сочетание французских слов. Так и прозвали улочку в Латинском квартале между улицей Юшетт (*rue de la Huchette*) и набережной Сен-Мишель (*quai Saint-Michel*) – улицей Кота-Рыболова. Здесь одно время жил Шарль Бодлер (*Charles Baudelaire*), поэт, эссеист и переводчик, основоположник символизма во французской поэзии, автор «Цветов зла».

С двух сторон переулка грязная обшарпанная стена, ржавые водосточные трубы, окна разной величины и лишь одна, покосившаяся, ужасного вида входная

дверь. Но Бодлер любил и умел в безобразном находить прекрасное. В этом и есть вечная тайна искусства. Любое самое изошрённое и отвратительное содержание, будучи представленном в художественной форме, чудесным образом превращается в нечто притягательное и завораживающее.

Именно здесь, пребывая в творческом «запое» и воображая ласки любви «дев его цветущих», «пылающий Разум» Бодлера разродился некогда осужденными, а теперь уже всем хорошо известными стихами.

*Этот ласковый лоск чрева,
Чресел и ног,
Лебединый изгиб ненаглядного
Сада
Восхищали меня, но дорожке
Залог –
Груди-гроздь, краса моего
Винограда...*

(Украшенья. Пер. В. Микушевича)

Тогда, в 1857 году шесть стихотворений Шарля Бодлера («Украшенья», «Ле-

та», «Слишком весёлой», «Проклятые женщины», «Лесбос» и «Метаморфозы вампира») «за нарушение норм общественной морали» были запрещены к изданию решением исправительного суда департамента Сена в Париже. Но это прелестные стихи! Здесь же не отказ от моральных приципов, а их переосмысление! Что тогда сделали бы с моими эссе «Зеркало любви» и «Пробуждение»?

Совсем рядом, на улице Юшетт, маленькое кафе. Оно напротив дома номер 5, где раньше была дешёвая гостиница. Там в 1796-м, перед Итальянским походом снимал жилье 27-летний дивизионный генерал, корсиканец Наполеоне Буанопарте. Платил три франка за неделю и где-то рядом питался. Один раз в день.

Я, пожалуй, тоже здесь откушаю и ещё выпью виски. А то после Барселоны в Париже холодно.

Согревшись, полюбуюсь собором Нотр-Дам-де-Пари (*Notre-Dame de Paris*). Благо он тут рядом. Выходишь по улочке Котарыболова на набережную Сен-Мишель, и

пожалуйста, любуйся! Он на острове Сите, за Малым мостом (*Petit-Pont-Cardinal Lustiger*). Ещё Людовик VII в 1113 году передал епископу парижскому первые 200 фунтов серебра на его постройку. С тех пор что только ни происходило с собором и внутри его! Открытие первого парламента Франции и коронация Наполеона Бонапарта, чествование маршала Петена, героя одной мировой войны и символа предательства и коллаборационизма в войне другой, реабилитация национальной героини Франции Жанны д'Арк (*Jeanne d'Arc*), сожжённой на костре в Руане... И в завершение – пожар в апреле этого года.

Над собором на месте обрушившегося девять месяцев назад знаменитого шпиля хорошо видна повисшая стрела огромного крана. Символический срок! Тем не менее вход в собор закрыт, подход – тоже. Шпиля как не было, так и нет. И ещё строители просят целый миллиард евро для завершения ремонтных работ!

Расстроился что-то... Главный собор Парижа закрыт на ремонт, городской

транспорт не работает, Золя отравили угарным газом, Далида сама отравилась, Талейрана до сих пор считают хитрым и беспринципным интриганом, барельеф Стендаля не похож на писателя... Бодлера за его стихи осудили и оштрафовали. Его имени нет не только в «Истории французской литературы» (*Histoire de la Littérature française*), изданной через полвека после смерти поэта, но даже на могиле на кладбище Монпарнас. Просто: «пасынок генерала Жака Опики...»

Франсуа Вийон в известном французском фильме 2010 года назван вором и убийцей. Неужели не понятно! Вор и убийца – это же маски! Маски, в которые то и дело рядился Вийон. Маски сутенёра, бандита, влюблённого школяра... Он писал от первого лица, чтобы лучше раскрыть то, что видит и чувствует его персонаж. В конце концов, почитайте протоколы судебных процессов, связанных с Франсуа Вийоном... Они сохранились! Тогда, несмотря на недавно завершившуюся Столетнюю войну, правосудие во

Франции было весьма скрупулёзным. Вийон, как сказал А.С. Пушкин, почитался первым народный поэтом, а его имени даже нет в книге «Французская литература» (*“Littérature française”*. ISBN: 978-2-7098-2180-3) того же с фильмом 2010 года выпуска. Как сговорились!

Не хватает только демонстраций на всех главных проспектах столицы. Хоть «жёлтых жилетов», хоть за независимость чего-то одного от другого, хоть против пенсионной реформы... А то бы вообще... В Барселоне демонстрации. В Париж приехал – так и тут тоже, понимаешь, что-то своё упорно демонстрируют. Пусть с шариками, пусть без оных. Ну куда бедному туристу податься? Те, что в Барселону из других городов Каталонии шествуют, они хоть со своими туалетами...

Ну вот, лёгок на помине! Смотрю, на набережной Сен-Мишель лавка со значками, а рядом на табурете сидит мужчина с собачкой на руках. Вылитый Пучдемон – бывший руководитель Каталонии, обьявивший о её независимости. В Париже!?

И продаёт значки с изображением Ленина!? Странное видение!

Однако не стоит мусолить чувство обиды, погружаться в извечную противоречивость бытия! Цветущий вереск постепенно гасит мой «пылающий Разум». Он вообще снимает любые воспаления и исцеляет от всякой хвори! Лучше свернём-ка с набережной Сен-Мишель на улицу Сен-Жак. На пересечении её и улицы Эколь одно из зданий Сорбонны. Напротив разместился миленький скверик имени Поля Пенлеве (*Paule Painlevé*), математика, политика, дважды премьер-министра Третьей республики и создателя известной линии Мажино. А перед сквером почему-то памятник Мишелю Монтеню (*Michel de Montaigne*). Тому самому! Основоположнику жанра эссе, где изложение подчиняется «прихотливым извивам мысли и впечатлений».

Надо сказать, что этот сквер хоть как-то скрасил место, где раньше была церковь Сен-Бенуа-ле-Бетурне, построенная ещё в VI веке. Ведь об этом уже почти никто не помнит! В середине XV века в ней у

дяди-капеллана свои лучшие годы провёл студент факультета искусств Сорбонны Франсуа Вийон. Церковь была неправильно повёрнута, поэтому её часто посещали не вполне адекватные люди. Они считали её «своей»... Через двести лет церковь перестроили по рисункам Клода Перро, брата великого сказочника. Чуть позднее обоих братьев, Клода и Шарля, похоронили у этой же церкви... В 1812-м их могилы перенесли в катакомбы под Люко, то есть под Люксембургским садом. А в 1831-м снесли и саму церковь.

Это всё проделки знаменитого Жоржа Османа (*Georges Haussmann*), префекта департамента Сена. Получив неограниченные полномочия от племянника Наполеона Бонапарта, последнего монарха Франции, он разрушил большую часть старого города и перекроил всю уличную сеть Парижа. Так появились широкие парижские проспекты, улица Эколь, новое здание Сорбонны на месте церкви Сен-Бенуа-ле-Бетурне. Так возник и миленький скверик напротив...

Эколь пересекает Сен-Жак. А та в свою очередь постепенно превращается в дорожку, которая ведёт сначала на юг, во французскую Каталонию, а после – в Испанию. Она проходит через любимый городок всех французских художников – Сера (*Céret*). Здесь сохранились памятники XIII века: «Ворота Испании» и «Ворота Франции». В первом хранится археологическая коллекция, а во втором – книжная – Национальная библиотека. В ней на полочках, между прочими, стоят и мои «шедевры». Те, что изданы на французском языке.

День второй. Покидая свой номер в гостинице, обнаружил на дверях незаметную металлическую табличку. Сначала не обратил на неё внимания. Думал, это про то, куда бежать при пожаре. Оказалось, на ней выгравировано что-то про писателя Марселя Эме (*Marcel Ayme*). Сразу вспомнил памятник ему на небольшом кладбище Сен-Венсан (*Cimetière Saint-Vincent*), что посетил вчера сразу после кладбища

Монмартр. Это совсем рядом, метров семьсот вверх по улице Коленкура (*rue Caulaincourt*). Бронзовый памятник Марселю Эме заказал его друг, актер и писатель Жан Марэ. «Человек, проходящий сквозь стену».

«Что-то символичное есть во всём этом», – подумалось мне. Мол, покидая номер отеля, готовься ко всякого рода препятствиям. Дождь, забастовка, пробки, отмена рейсов, опоздания... И вчера, и сегодня, и... Опять вспомнились кризисные проекты девяностых и нулевых. Называется: «Приехал в Париж за воспоминаниями!» Прямо как токарь на пенсии, который специально ходит на завод поноухать стружку...

Так и есть! Проливной дождь, ветер, один зонт сломался, метро не работает. На автобусы жуткие очереди. Все, как на зоне, колоннами топают по тротуарам на работу пешком. Я сегодня тоже не собираюсь надеяться на штрейкбрехеров от транспортников. Схожу к Сакре-Кёр, потом к Мулен Руж (*Moulin Rouge*) и всё!

На площадь Пигаль (*Place Pigalle*) и в музей эротики не пойду. Не до них! Да и холодно...

К Базилике ведёт красивая лестница, облитая разными красками. Видимо, готовят туристов к нашествию местных художников. Сбоку от лестницы симпатичный скверик имени поэта Габриэля Рандона, взявшего себе псевдоним Жан Риктус (*Jehan Rictus. "Rictus" по-французски «оскал»*). Не знаю такого. Знаю только, что он был знаком с Аполлинером и Камю и перед смертью награждён Орденом Почётного легиона. Там, в скверике на стене какого-то дома два художника Фредерик Барон и Клер Кито (*Frederic Baron et Clair Kito*) умудрились на 311 языках написать: «Я тебя люблю». Здесь словно бы место встречи влюблённых и надёжный памятник вечному обожанию! Мол, только множество разных языков не даёт возможности всем любить друг друга!

Вокруг Сакре-Кёр солдатики элегантно прохаживаются, как по подиуму. В беттах и с автоматами... Что-то давненько

их не встречал. Предусмотрительно обошёл служивых слева, там, где с XII века за каменным забором высится аббатство Сен-Пьер-де-Монмартр (*Saint-Pierre de Montmartre*). После Великой Французской революции здесь был установлен оптический телеграф. Именно с его помощью было принято первое сообщение о поражении армии Наполеона под Ватерлоо.

Вышел на художников. Дождь льёт как из ведра, а эти ходят кругами с мольбертами, всё норовят меня нарисовать... За деньги, конечно! Еле ускользнул. Галерей здесь маловато. В несколько раз меньше, чем в Сере. Нырнул в магазинчик сувениров и был таков! Правда, пришлось купить кепочку. А что? Ничего такая, утеплённая. Стал совсем похож на себя два года назад, когда всю зиму обитал в Сере и Перпиньяне. Только шарфик другой. Ну, известное дело, в Париже не без изысков! Иду себе в кепочке, сломанным зонтиком помахиваю... Приблизился к дому розового цвета. На нём так и написано "La Maison Rose". Что это? Не знаю. Розово-

го кролика знаю, розового фламинго – тоже, в Оливейе, где гуляю с Масиком, тротуары розового цвета... А чтобы «дом розовый» – не слышал. Однако все фотографируются перед ним. Кто-то меня окликнул на непонятном языке. Не китайцы – это точно! Я бы понял. Подумал, просят их сфотографировать. Ан нет. Просто хотят побыть рядом со мной! Должно быть, чувствуют «великого писателя современности». Или просто кепочка моя понравилась...

Не прошёл и двадцати метров. Ба! Знакомое лицо! Площадь имени певицы Далиды (*псевдоним – Dalida*) с памятником, вернее с её бронзовым бюстом. Он весь такой тёмный, а грудь блестит! Ну не могут туристы просто любоваться! Что сразу бросилось в глаза? Площадь ДАЛИды, а рядом выставка картин ДАЛИ... Должно быть, как-то связаны были эти две личности? Хотя Сальвадор Дали (*Salvador marqués de Dalí de Púbol*) был известный однолюб. Свою жену Галу (Елену Дьякову) боготворил, тем более что в своё

время с таким трудом увёл её у Поля Элюара. Правда, потом в качестве компенсации написал его портрет.

Пора домой! Гляну на кабаре Мулен-Руж и в отель. Это рядом с ним, по милой древней улице Монмартра Лепик (*rue Lepic*) и направо. Ну, что сказать? Кабаре как кабаре. Построили Эйфелеву башню и отметили это дело в только что открывшемся на площади Бланш ресторане. Мельница как мельница. У меня под Выборгом такая же! Правда, этой четыреста лет.

Прохожу мимо входа в метро Бланш, а оттуда выбегают человек десять молодых парней, кричат чего-то и телефонами размахивают. Понял! Сфотографировали ужас толкучки внутри поземелья. Упротсил послать мне на WhatsApp. Это надо видеть!

Всё! До отъезда в аэропорт минут тридцать. Остался последний рывок. Но сегодняшний Париж не был бы таковым, если бы... Трансфер в аэропорт неприлично опоздал. Потом ехали сквозь сплошные

пробки. На трёх основных перекрёстках стояли огромные фуры с мусором. Все машины вокруг них чего-то ждут и гудят... Это такая месть за вчерашнее выступление премьера Франции! Тот попытался договориться с бастующими транспортниками. Простой какой! Но нет худа без добра. Хорошо, что мой рейс «Air France» ещё вчера отменили. Самолёты тоже бастуют. Пришлось купить билет на что угодно, только не на французскую компанию. «Vueling»! Эти отлетают всего на час позже.

Наконец-то «Шарль де Голль»! Непривычно смотрятся пустые залы с гейтами... Однако наш рейс тоже почему-то на час позже вылетел. Почему, почему? Что ещё за вопрос? Это такая новая забава в Париже. Как только решишь передвигаться не на своих двоих – всё! Будешь стоять и ждать, как миленький, пока правительство с профсоюзами не договорится. Диспетчеры ведь тоже французские. Самолёт долго добирался к взлётной полосе. Даже было такое ощущение, что он решил

восполнить пассажирам утраченное в Париже – хоть где-то просто покатать. Прямо как на автобусе! Только с реактивным двигателем. Едем и едем. Заметьте, не петляем, как это обычно происходит при выруливании на взлётную полосу, а довольно быстро катимся, будто по самому длинному мосту в Европе. Уж всяко большему, чем мост Васко да Гама в Лиссабоне или даже Крымский. Внизу под ним, слева и справа, сквозь залитый дождём иллюминатор видны встречные потоки огней – красные и жёлтые. По-прежнему бурлит жизнь большого города...

Самолёт взлетел, я раскрепостился и уснул...

Только увидел во сне пред собой текст этой зарисовки о сегодняшнем Париже, вдруг толчок и бурные аплодисменты! Не скрою, сначала подумалось мне: «Ценит общественность! Да уж, что есть, то есть!» Но оказалось, это посадка... Почему? Даже пот выступил на лбу. Смотрю на часы. Ещё лететь почти пятьдесят минут! Или это аварийная? Где? В Лионе? В Бор-

до? Значит, ночевать на вокзале? Вот уж погулял по Парижу!

Эх, иллюзии, иллюзии! Как нам хочется порой ещё раз прикоснуться к прекрасному! Прикоснёшься – и всё сразу рассыпается прямо на глазах. Вот уж точно сказал Стендаль: «Красота есть лишь обещание счастья».

* * *

В последний день так намаялся, что по привычке счёл лифт гостиницы бастующим транспортным средством. Совсем забыл, что ещё вчера поднимался на нём на свой этаж. Иду я пешочком по лестнице, смотрю – на дверях лифта рисунок из «Маленького принца» Экзюпери. И надпись: «On ne voit bien qu'avec le coeur».

Самого главного глазами не увидишь. Зорко одно лишь сердце.

Щель в карантине

Очерк

Всё как обычно. Но уже чувствуется и парад планет, и магнитные бури, и полнолуние... Навигатор не крепится к машине. Отвык, наверное. Приехали к аэропорту – парковок нет! Закрыты. Два раза всё объехали, пока поняли, что никого же нет... Ставь, где хочешь! Внутри допустили только одного – того, кто полный дурак и собрался лететь в одну из трёх самых недоступных стран, в якобы гнездилище вирусов и корон...

На регистрации издали посмотрели паспорт, какой-то дубиной определили температуру... Я сперва по привычке подумал: гайшник! Указывает палкой остановиться и принять вправо... Потом появилась строгая усатая тётя. Она долго и

внимательно всматривалась в меня, видимо пытаясь глазами заменить рентген. Что-то настойчиво искала в лёгких и напонила мне полёты компанией «Эл-Аль» в Израиль. При посадке чего только не спросят, лишь бы выявить врага с гранатой. Sin embargo (Аваль – «однако» на иврите) там были улыбчивые девчонки с ружьями за спиной...

Зашёл в самолёт, а тут тоже почти никого нет! Процентом на двадцать заполнен. Пассажиров мало, рейсов мало, в кафе сдачу налом с полтинника нечем дать... Ждал, ждал, плюнул и заплатил картой. Один рейс! И главное, в Таллине только сегодня не посадят на карантин, в понедельник – уже ку-ку!

Пока летим...

Вздremнул. Напялил на голову футболку, чтобы маску приспустить и никто бы этой наглости не заметил. А то дышать тяжело. Точно уснул.

Слышу, кричат дети... Протёр глаза платочком, натянул маску, оглянулся – никого! Вообще никого нет... Стюардессы!?

Нет!!! Впереди два ребёнка орут... Встал, подошёл к ним. Просто сидят и орут. Рядом старушка дремлет. Я к туалету. Свободно. Конечно, ведь нет никого! Даже страшно стало... Стучу в кабину пилотов. Не отвечают... Правда, стесняюсь, тихо так постукиваю в дверку.

Начинается! Ну как же без этого!

Сел на свое штатное место. Сообщаю... Самолёт вроде как снижаться стал. Но где народ-то?! Положил сумку на колени, хотел голову опустить... Вдруг увидел кочергу какую-то – очень похожа на штурвал. Ухватился за неё, держу и приговариваю: «Я пятнадцатый, иду на посадку. Освободите полосу. Сообщайте мою скорость. Ничего не вижу, маска мешает...»

Вдруг вспомнил и добавил: «Все, кто меня слышит, на случай, если погибну, сообщаю... Ключи от бани под подоконником, ключ от почты у риэлтора, паспорт Масика в ящике комода...»

Фу ты! Толчок! Приземлился. Жму на тормоз, не тормозит, торможу – не тормозит... Сейчас услышу: «Хвост оторвёт!!!»

Проснулся. В зале прилёта все без масок. Тады! Такси, отель, душ, водка из мини-бара, спать... Да! Вышел на минутку на улицу Vira в центре Таллина. Так просто! Вдохнуть воздух Прибалтики! Почти дома! Все кругом шастают, пьют, едят, балдеют, через каждые двадцать шагов что-то или кого-то предлагают...

Часы в телефоне не перевёл. Проспал завтрак. Дошёл до вокзала, купил билет до Нарвы. Жду...

Пошёл дождь, смывая из памяти эти два дня. Уже завтра сообщат новые цифры по количеству заразившихся в Барселоне, и узкая трещина в карантине хлопнется...

Поехали. Всё ещё впереди! Ещё не поступала информация, «на кого будут менять?».

В Нарве единственный на Северо-Западе сухопутный пограничный пункт. Через мост 500 метров и Ивангород!

Другие пока закрыты.

А Приморск почти напротив, через залив...

То есть, согласно Постановлению, в Приморске я две недели на карантине у себя дома в одном из помещений. Однако на следующий день отправился в город в информационный центр. Хочу сделать документ...

Сделал! Возвращаюсь домой, приходит сообщение о том, что я нарушаю режим самоизоляции. Повторное нарушение – штраф жутких размеров или тюрьма. Во как, здорово! Каждый день наведываются полицейские...

В общем, льготы по-прежнему получаю, карту «Мир» имею, четыре зуба – нет! Встречаю потенциальных покупателей усадьбы. Курс рубля жуткий... Пора заканчивать!

Обратно...

Здесь тоже, но своя прелесть. Рейс из Питера в Париж отменили. Мой первоначальный билет на вылет из Барселоны в Петербург 1 июня до сих пор не действует. А уж обратный – тем более! Опять с чемоданом пешком до Нарвы? Нет! В Москву – «Аэрофлотом». Оттуда через час в

Женеву. Почему пускают? Неизвестно... Потом – Барселона. В конце концов, из Женевы в Барселону можно и на авто добраться. Однако в Москву вылет в 5 утра и из Женевы в Барселону через восемь часов после прилёта... В общем, две ночи! Причём первая ночь очень длинная. Ехать из Приморска в аэропорт Питера к регистрации, к 3 часам утра, опасно. Лучше выехать засветло, прибыть в Пулково и там просто жить... Восемь часов! Почему? Да потому, что ремонтируют дорогу Приморск – Зеленогорск. Освещение – ноль, видимость – ноль, повсюду открытые люки... Перед ними, конечно, как и положено, какой-нибудь столбик стоит. Но ведь что интересно! Все знаки о том, что ведутся работы, яркие, слепят водителей, а эти столбики как специально... незаметны вовсе. Запросто можно оказаться вместо Барселоны в канализационной яме.

После двух бессонных ночей и четырёх пересадок я опять в королевстве! Масик, розовые тротуары, вереск, фиги,

ландыши на земляничном дереве и брусника на брусничном...

Только чтобы выйти из аэропорта, нужен код доступа – мол, «я хороший» – не заразный...

Зеркало Любви

*Шарль Бодлер. Муки творчества.
Осуждённые стихи¹*

Рассказ

Потёмки творческого кризиса, закат чувств, сумерки привычек... Каверзы воображения, тупики и непрерывный поток поэтических ассоциаций. Бессильные поиски просвета, тьма воспоминаний, утренний ливень отчаяния, откровений и откровенности...

¹ «Осуждённые стихи». Здесь стихи Ш. Бодлера «Украшенья», «Лета», «Слишком весёлой», «Лесбос», «Проклятые женщины» и «Метаморфозы вампира», запрещённые к изданию в 1857 году решением исправительного суда департамента Сена в Париже (отменено в 1947 году).

*Благословенная истома,
Журчанье вод и шум ветвей –
Как эта горечь мне знакома:
Вот зеркало любви моей!*
(Шарль Бодлер. Фонтан;
пер. М. Яснова)

Тайну рождения стихов я храню в себе. Никто не видел меня за работой. Если в полном одиночестве я и единоборствую с ангелом Господним, то ни одна живая душа не ведаёт о моих страданиях. Бальзак за одну ночь, ненасытно расходуя кофе и чернила, может родить добрую треть очередного романа. Придирчивый и брюзгливый Флобер утром подолгу гоняет на велосипеде только для того, чтобы безукоризненно прокричать во всё горло написанные этой ночью несколько строк из «Мадам Бовари». Все это знали, верили, бурно обсуждали.

Мои муки творчества – полностью мои! Я, словно беременная женщина, месяцами вынашиваю идею короткого стиха. Эти муки – ад и в то же время необычно-

венная услада! Потому что, в конце концов, – я знаю – обязательно мысль оформится в слова, они превращаются в изумительную мелодию, душе становится легко, и ты уже плывёшь по течению. Эта завораживающая музыка, будто пение сирен, сама влечёт тебя, постепенно затягивая в светлый безбрежный океан счастья художника. Ты окунаешься в него с головой и уже не чувствуешь ни времени, ни голода, ни жажды. Только там, в его глубинах, ты сможешь разглядеть едва различимые контуры того, что так неистово искал. Такое возможно при карнавальном состоянии души, когда свежесть возникшего чувства не успевает поблкнуть под гнётом вездесущего рассудка.

Однако перед этим приходится страдать. Страдать непрерывно, во сне и наяву. Искать, не находить, рыдать от творческого бессилия, снова искать, спорить с самим собой, с деревом, камнем, цветом... И не дай Бог довериться какому-нибудь приятелю, плохо, если это писатель, поэт или музыкант. Хрупкое строение

тотчас рухнет и испарится от неосторожного прикосновения чужого взгляда, пусть это даже яркая личность.

Потом размытые контуры строения начнут воплощаться в слова, в рифму, в ритм – в ту самую музыку, которая только что была внутри и заполняла твоё сердце. Какое же счастье знать, что чудные твои строки послушны порывам души, извивам желаний, содроганиям совести!

Честное слово, на это не жалко потратить жизнь! Можно и нужно забыть это счастье, радость от созданного тобой. И опять искать, искать... Закутавшись в макинтош, под нескончаемым дождём, я зачем-то неделями брожу по отвратительным переулкам. Камни мостовой блестят, отражая и удлиняя тусклые огни города. Мысли не рождаются. Они вдруг взлетают, как чёрная тень случайного прохожего, попавшего под свет редкого фонаря, и тотчас исчезают. Исчезают тоже, как тень, быстро скользя по стене и перегибаясь на выступках... Я пробираюсь по лабиринту этих мрачных, сырых и грязных улиц с

кривыми, прогнившими домами, в которых вдруг на каком-нибудь окошке блеснёт озаривший моё воображение цветок или головка девушки... Могу ночи напролёт просиживать в кабаках, чтобы услышать и ухватить однажды произнесённое подвыпившим матросом то единственное, сочное и самое необходимое для меня слово.

А сколько я прожил вот так, не написав ни строчки! Если эта борьба с самим собой затягивалась, то мозг начинал воспламеняться, и являлся невроз с его капризами, с его бессонницей, терзаниями и болезненными прихотями. От одного только осознания этого факта меня бросало в жар. Я подходил к кувшину, чтобы остудить лицо холодной водой, и потом долго смотрел в зеркало, продолжавшее мутнеть от ещё излучаемого мною тепла...

В этот чудесный миг моя очаровательная рыжая кошка Алиса кроткими бархатными шагами подкрадывалась, тёрлась о мою ногу, потом мягко запрыгивала на стол и усаживалась подле рукописей в

невозмутимой позе сфинкса. Она думала вместе со мной и смотрела на меня из глубины своих зрачков с золотистыми крапинками с какой-то разумной нежностью и таинственной пронизательностью.

Выражая себя в слове, я всегда обращаюсь к кому-то, к какому-то слушателю. Иногда это некий мистический собеседник, ещё не явившийся друг или редкая возлюбленная... Иногда – моя Алиса. Она с удивительным терпением ждёт, чтобы я окончил свою работу, и, как женщина, стонущая на ложе любви, всё время испускает пленительное ритмичное мурлыканье. Невольно сравниваю себя с ней. Такой же чувственный, полный силы при нежной гибкости, с таким же взглядом, свободным, колдовским, который порою трудно выдержать... Однако чаще всего этот слушатель — я сам. И вот здесь тот единственный случай, когда я достигаю истинного раздвоения своей личности.

Не знаю, почему именно в данный момент делаю то или иное, почему пишу именно об этом. Такая потребность! По-

требность творить – искать, угадывать, находить и выражать себя в этом. Убеждён – в жизни нет ничего, что было бы более господствующим, бесцельным и неоправданным! Но это моя Любовь! Моя Правда мира, Истина, выраженная красотой. Она не может быть объяснена словами. Но когда кто-то оказывается рядом, он обязательно ощутит её присутствие. Хотя бы по лёгкому ознобу, пробежавшему по коже...

Уже несколько месяцев я снимаю комнату на этой древней улице, короткой и самой узкой в Латинском квартале. Моё жилище на втором этаже, и к нему ведёт крутая лестница, вечно скрипящая под ногами. Мебель старая и нескладная, грязный пол, узкие окна во двор, и поэтому здесь всегда полумрак. Я сижу в кресле у зеркала и, долго вороша кочергой угли, не отрываю взгляд от слабо тлеющего огня в камине. Ни единой мысли! Мелькнула какая-то, зашевелилась, с трудом создавая очертание идеи, но безуспешно.

Подложил пару поленьев. Их жадно поглотили языки пламени. Дрова приятно потрескивают. Тонкой щепкой, от которой потянулась чёрная струйка дыма, зажжёт бронзовую настольную лампу, и горящее масло буковых орешков наполнило комнату своим терпким запахом. Он придавал чудесный аромат белому облаку, висящему над нагретой чашкой моего свежего «чая»...

Который раз я вновь и вновь возвращаюсь к своим «Осуждённым стихам»! Я просто написал поэтические строки, смастерил зеркало, наподобие того, что стоит напротив меня. Оно отразило наше жуткое время и... неминуемо вызвало неприятие. Знаю, что поддавшись соблазну дьявола, постигая и раскрывая прекрасное в безобразном, я не обрету ни счастья, ни покоя. Всё, что есть прекрасного в этой жизни, либо аморально, либо незаконно, либо приводит к болезням... Стихи гулко звучат в голове, сталкиваются, наслаиваются один на другой, создавая яркие, пугающие, но и влекущие к себе новые об-

разы... Внешние предметы искажаются. Они являются мне в неведомых формах, затем постепенно теряют эти формы и, наконец, проникают в моё существо. Реальность становится неотличимой от фантастики. Стоящее рядом зеркало покрыто пылью и кажется матовым. Контуры лица видятся в нём нечёткими, цветовые переходы размыты, как на торопливом эскизе акварелью, вместо живых искрящихся глаз – светло-коричневые пятна с заметной синевой под веками, волосы выкрашены в зелёный цвет, куртка тоже зелёная, светло-бежевые панталоны, на груди огромный шёлковый бант. Я люблюсь своим отражением и, как на исповеди, доверяю ему самое сокровенное...

* * *

Закутанный в халат, я сижу в своём кресле и пожираю глазами всё, что вижу... Они такие разные! Обнялись. Кто-то вскрикнул. Губы обеих женщин жадно глотают воздух в поисках долгого поцелуя, слова становятся бессвязными,

бесстыдными, грубыми и вскоре вообще понятными только им двоим звуками. Тонкие белые руки, на миг показавшиеся мне огромными, с тигриной ловкостью нырнули куда-то вниз, медленно заскользили вверх по тугим бёдрам и, поднимая лёгкий шёлк платья и нижней юбки, обнажили чулки и батистовые панталоны с кружевами. Спустя мгновение кружевное бельё вдруг скомкалось, превратилось в бесформенную белую ткань и быстро скользнуло вниз, на пол, обнажив вожделенные красоты. Как возбуждает контраст тёмных чулок и подвязок с белой кожей! Как влечёт к себе лебединым изгибом ненаглядный сад! Всё это великолепие трудно разглядеть при тусклом свете угасающего камина, я лишь угадываю чарующие линии. Неровными складками прикрывающая наготу ткань платья мешает, раздражает... Шквал эмоций обрушивается на меня, неуёмное воображение захватывает и не отпускает...

Моё убежище вдруг ожило и преобразилось. Старое грязное кресло вмиг пре-

вратилось в роскошную кровать. Пыльный, неподвижный воздух светится теперь едва уловимыми тонами и источает свежие цветочные запахи. Звуки, словно цвета радуги, окрасили всё вокруг, краски вдруг зазвучали чудесной музыкой... Тела женщин сжались, подобно тому, как тысячи нервных клеток разбегаются и через мгновение соединяются, чтобы принять новый удар... Я вижу их, смотрю с торжеством, как хищник любит добычей. Всей грудью вдыхаю аромат желания, вбираю в себя их тепло. Разглядывая извивающихся в экстазе женщин, я сливаюсь с ними, скольжу бесшумно, как змея, и уже не могу различить, кто это изнывает от сладострастия, чьи ноги и руки переплелись на ложе любви?.. Постепенно всё расплывается перед моими глазами и куда-то исчезает... Наступает миг просветления. Узоры теней на потолке комнаты, украшенные седой паутиной, вдруг начинают жить особой жизнью... Связь между понятиями сделалась настолько неуловимой, что я не понимаю сам себя... Мною

овладела нелепая и непобедимая смешливость. Будто я в детстве с родителями выехал в пригород Парижа, забрёл в старый сарай и ради забавы валяюсь на копнах сладко пахнувшей, только что скошенной люцерны. А в светлом проёме распахнутых дверей ярко-синее небо, зелёная трава и... маленькая девочка. Она улыбается, танцует и зовёт меня. Я потянулся за ней...

Небо и трава вдруг пропадают. Девочка... Вместо неё передо мной та самая женщина... Она обнажена и смотрит на меня. Я понимаю, что она чувствует мой взгляд, ощущает присутствие третьего человека. И мне это нравится. В сумраке обычной комнаты я, будто в эротическом сне мрачного символиста Босха, уединился с двумя грешницами под стеклянным колоколом на озере Похоти и создаю поражающий воображение мир эфемерных желаний и чувственных удовольствий. Я слышу, я угадываю, как всеми клетками кожи женщины осязают мелкую дрожь тела этого невидимого, но желанного человека. Же-

ланного? Да, желанного! Но не от того, что он мужчина, а от того, что он видит, а они – нет, оттого, что он вместо них созерцает таинство любви, и его флюиды, пронзая воздух комнаты, уже спёртый и тяжёлый от запахов пота и горелого масла, мгновенно подчиняют себе их воображение. Гипнотическая сила этих токов наотмашь бьёт по обнажённым чувствам... На самом же деле они лишь эхо той сладостной боли, которая только что вспыхнула и теперь не утихает в теле невидимого созерцателя... Он совсем рядом. Его прерывистое горячее дыхание обжигает их лица. Этот острый, подрагивающий от экстаза подбородок, мокрые пряди волос, нависшие над горящими глазами, эти капли пота на лбу... Они падают, попадают на грудь, живот, бёдра одной из женщин, всякий раз заставляя её тело напрягаться... До сих пор они чувствовали только запах тела друг друга, прикосновение пальцев, солёный привкус потных рук, заволакивающие вздохи и шёпот дыхания. Теперь они видят! Воображают, будто видят!

Видят его глазами... Кажется, что весь этот новый мир предстаёт перед ними во всём своём поэтическом чувственном блеске!

Меня опьяняло то, что своим созерцанием я дарю им полноту счастья! Меня дразнило то, что видя все подробности сокрытого от них и посторонних глаз чудесного действия, я не могу... Да, я не могу ничего! Даже прикоснуться. Но я же вижу! Я вижу, как они видят, что и как вижу я! И, если они не могут отвести зачарованных глаз от моего лица... Этого достаточно! Самые сильные впечатления рождает воображение, а вовсе не реальные события! Ведь обязательно наступит миг, и скрывающийся во тьме, кто бы он ни был, пока лишь прикоснувшийся к чужому наслаждению, неотвратно и без остатка растворится в блаженстве их волшебной ночи...

Наблюдая за женщинами, я почти не думал о себе. Так ни разу и не прикоснувшись к ним, я вдруг начинаю чувствовать своими губами то ресницы зазывных глаз, то бархатную кожу колышущейся груди,

то трепетное влажное дыхание. Это щекочет и распаляет фантазию... Вот, одна из них уже обнимает и неистово целует моё лицо, шею, грудь, живот, резким движением стаскивает с моих плеч махровый халат, опускается на колени... Другая – совсем рядом, уселась поудобнее в моё кресло и внимательно всматривается в подробности таинственного действия. Как прилежная ученица на уроке физиологии, она тщательно изучает все нюансы происходящего и в самый яркий момент, убеждаясь в достоверности только что увиденного, нежно дотрагивается пальцами до наших сокровенных мест...

Время остановилось! Эти чудные мгновения длятся вечность! Кто-то нежно сжимает свои тонкие пальцы, отпускает, снова сжимает, то и дело бросая взгляд уже покрывающихся поволокой томных глаз с моего дрожащего подбородка на растущее и вздымающееся всё выше и выше восхитительное очарование ещё не познанного ею рукотворного Создания... Наконец, настаёт тот чудесный миг, когда

вся моя сущность, все мысли, все видения исчезают куда-то и превращаются в один твёрдый сплав – упругий сгусток нервов и плоти. Невидимые живительные токи начинают заряжать меня. Они медленно скользят по всему телу, словно блестящая на солнце капля пробирается под тонкой коркой весеннего льда... Вдруг эта капля объявляется на самом кончике оголившейся плоти. Отражая свет камина, она, как жемчужина в раскрытой раковине, чуть сверкнула матовым блеском, застыла и не скатывается вниз. Что-то удерживает её на этой вершине мироздания! Нежные пальцы сидящей в кресле, будто перебирая узелки на чётках, легко пробежали по чувствительным и отзывчивым нервам, коснулись жемчужины... Та исчезла, и только кожа рук женщины стала влажной и скользкой.

Вскакиваю, путаюсь, зарываюсь в шелка их одежд... Наконец нашёл, уткнулся... Коснулся лицом и вдыхаю в себя таинственный и запретный, восхитительный и дурманящий аромат... Захлёбываюсь

им! Чьи-то упрямые ладони удерживают меня и не позволяют шелохнуться. И только одна мысль, не отпуская, гнетёт и гложет... Неужели это может закончиться? Чувствую, как горят щёки, пылают от восторга встречи с чудом... Вдруг, случайно неуклюже повернувшись, скользнул по узенькой полоске холодного обнажённого тела... Там, над ажурным, тёмным чулком... В один миг, как по мановению волшебной палочки, окунулся в реальность и до боли ясно обнаруживаю очевидное: «Это не для тебя! Это всё для него...» И вот он один на один перед входом в рай, пьяный от вседозволенности, красный от напряжения, заплаканный и запыхавшийся. Создание вздрогнуло. Это чья-то ладонь сжала и медленно, будто заманивая, потянула давно восставшее очарование к пылающему входу в бездну... Вот оно уже внутри! Тотчас врата рая сомкнулись и плотно стиснули его, не позволяя шевелиться. Всем своим телом оно ощущает, как окружающие его влажные, чуть ребристые своды начинают сокращаться.

Они сдавливают воспалённый сгусток нервов и плоти, отпускают, снова обнимают, доводя до иступления... Почувствовав внезапную утрату наслаждения, он снова вздрогнул и тотчас сам устремился обратно, в кратер восторга и обиды. Теперь ничто и никто его не сможет остановить! Уткнувшись во что-то там внутри и не веря своему счастью, он вырывается наружу... Вырывается, чтобы убедиться, что это не сон, и опять вернуться. Дразня себя и теша иллюзией бесконечности этого завораживающего процесса, он много-много раз отнимал, а потом вновь дарил себе удовольствие от восхитительного чувства первого знакомства... Но что это? Опять кто-то незаметно подкрался и выхватил его из пылающей бездны... Опущенные густые ресницы скрывают глаза хулиганки. Я не вижу их блеска. Но кожей, всем своим нутром чувствую, как всю её невыносимо переполняет необыкновенное восхищение... Теперь она видит то, что не вижу я! Как мы сплетаемся в танце любви, как пространство вокруг нас становится

ся тёплым, цветным, пульсирующим, тёмным и притягательным. А посреди этого зрелища содрогание трёх напряжённых тел и едва ощутимый звук скольжения всего моего воспалённого естества сквозь что-то манящее и ещё до конца неизведанное... Ой, как же я хочу увидеть эти глаза!

Это продолжалось долго, пока однажды, в очередной раз остановившись, чтобы ещё и ещё затянуть процесс наслаждения, я, покачиваясь от усталости, огляделся по сторонам и наконец-то встретился с широко раскрытыми, влекущими к себе глазами женщины. Её ресницы казались тонкими лучами её играющих глаз, они чуть подрагивали, не просто так, а в такт прилива моих ощущений... Судорога пробежала по моему телу. Восхитительный всплеск чувств! Будто у алхимика, эти чувства скоро превратятся в мерцающий на свету поток жизни и любви. Этот чудесный коктейль из гормонов радости, нежности и удовольствия вот-вот погрузит всех троих в состояние блаженства. Там любовь и сладострастие соединятся

в одно целое и громким водопадом низвергнутся в пучину счастья. Я на самом краю этой бездны...

В тот же миг раздался удар, страшный глухой удар... Моя кошка Алиса одним движением головы распахнула двери и с громким мурлыканьем запрыгнула ко мне в кресло. Райская комната – «Сад земных наслаждений»¹ – всё очарование сказки исчезло сразу, внезапно, грубо... Жуткий шум разрушения заполнил моё жилище, радость и наслаждения вмиг исчезли, всё вокруг рухнуло и вернулось в прежнее состояние. Эта комната – скверное жилище вечной скуки. Эта мебель, пропылённая и нескладная, грязный пол, в сумраке на полу блестит лужа от пролитой из кувшина воды, печальные окна с пыльными стёклами, по которым протянулись полосы от дождевых струй, мои рукописи на полу, перечёрканные и незаконченные, это мутное зеркало, которое теперь хочется разбить...

¹ «Сад земных наслаждений» – триптих нидерландского художника Иеронима Босха (1450–1516).

Срывая вереск...

Психологическое эссе

«Семьи в Российской Федерации с матерями-одиночками составляют пять миллионов. С учётом полумиллиона семей с отцами-одиночками, полумиллиона детей-сирот и оставшихся без попечения родителей – это больше половины всех супружеских пар с детьми. Ещё пять миллионов пар вообще не имеют детей...»

(Из доклада уполномоченного РФ по правам ребенка)

Однажды я написал книжку «Сказки для бизнесменов». Почему сказки? Потому что на их примере можно доходчивее

объяснить проблемы кризиса в бизнесе. Уверен, не каждый ответит, кто носитель проблем в «Золушке»? Нужно ли помогать Тане, которая громко плачет, потому что уронила в речку мяч? Как быть с бычком, который «идёт, качается, сейчас он упадет»? Позднее появилось известное в среде предпринимателей и менеджеров научно-популярное издание «Немедленно ждать» – мое психологическое эссе о том, кто и чем управляет в кризисном проекте в условиях неопределённости, с меняющимися ожиданиями участников проекта и архитектурой их отношений.

Прошло почти десять лет. Последние год-два, так уж получилось, мне довелось заниматься почти тем же самым, только в другой среде – в отношениях между мужчиной и женщиной. Не в бизнесе, а чёрт знает в чём... В «любви». Хотя, если говорят о формировании отношений, это уже не любовь!

Здесь, в Перпиньяне, мои зимние вечера уходят на псевдо-психотерапию. Спросите: «Почему „псевдо“»? Потому

что я не психотерапевт, а кризисник. Тем не менее, памятуя о былых кризисных проектах, то по ватс-апу, то по скайпу ко мне за советом тянутся молодые поэтессы и художницы. Они все из Питера. Но с недавнего времени кто где. Кто в Москве, кто в Париже, а кто и на берегу Тихого океана, хоть на нашем, хоть чужом, или тут рядом, в Барселоне. Вышли замуж и уехали. Но что-то не так. Что-то не очень чтобы очень, или просто, как они говорят, «брак несчастливый». Миленько! Будто счастье только в браке, или «предприятие», коим по своей сути является «брак», может быть несчастным. Вечные проблемы с мужьями, женами, невестами и женами! Начитались романов, разных сказок и ищут свои «Алые паруса». Путают все на свете: дружбу, влечение, симпатию, влюблённость, страсть... Даже не задумываются о том, что в браке, как и в бизнесе, вы «партнёры» с почти зарегистрированным «юридическим лицом» со всеми сопутствующими ему проблемами. А у них перед глазами литературные образы

Карениной и Ростовой. Полагают, что любовь такая! Бедняжки! Как все запущено! Сколько разочарований!

* * *

«Какой бы сильной ни была женщина, она ждёт мужчину сильнее себя. И не для того, чтобы он ограничивал ей свободу, а для того, чтобы он дал ей право быть слабой».

(Э.-М. Ремарк. «Возлюби ближнего своего»)

То, что мы все называем любовью, на самом деле чаще всего лишь страсть. Это слово – «страсть» – используют для обозначения высокой степени сексуального возбуждения в сочетании с общим эмоциональным влечением к партнёру. Но страсть, так же, как и влечение, – психические состояния с неосознанной или недостаточно осознанной потребностью человека. Эта потребность либо угасает, либо осознаётся, превращаясь в конкретное желание, намерение или мечту. Ещё страсть,

как короткоживущее и преходящее чувство, иногда отождествляют с влюбленностью. Справедливости ради нужно отметить, что «сексуальное возбуждение» сложнее таких примитивных эмоций, как гнев, радость, печаль, удивление или отвращение. По своим субъективно переживаемым составляющим оно похоже на более сложные эмоции: гордость, стыд, вину и презрение. От сексуальной страсти прямая связь с проблемой стабильности или нестабильности отношений вообще. Наверное, поэтому часто слышишь каскад вопросов. Является ли эта «страсть» характерной только для ранней стадии пылкой романтической влюблённости, постепенно вытесняемой менее яркими, нежными взаимоотношениями? Может ли она стать основной причиной, которая удерживает пары вместе? Возможно ли, чтобы сексуальная страсть, условие или даже гарант стабильности пары, являлась одновременно и потенциальным источником угрозы её существования? А может, лучше, когда отношения

спокойные, нестрастные, как бы безопасные, что ли?

О различиях между нежной привязанностью при стабильных отношениях в супружестве и страстностью кратких любовных романов бурно спорили поэты и философы во все времена. Сразу отметим: страсть, как эмоция, может сопровождать некоторые пары на протяжении многих лет совместной жизни. Это возможно, если тонкое и глубокое чувство к другому человеку соединяется с ясным осознанием конечной тайны отдельности одного человека от другого.

Но вот весь сумбур из «сноса башки» и неконтролируемого влечения вдруг дополняет одна малюсенькая деталь. Эротическое желание постепенно перерастает в отношения с совершенно конкретной личностью, в которых бессознательная активация прошлого опыта и сознательные ожидания относительно будущей жизни пары сочетаются с формированием совместного идеала. Это уже «симпатия»! Она подразумевает некие соглашения и обяза-

тельства в области секса, эмоций, ценностей. Тут уже включается рассудок. Симпатия, как правило, возникает не на пустом месте. Это реакция на внешность, на поведение и черты характера другого человека. Её результатом становятся общие взгляды, интересы и ценности. Они даже выражаются симпатично и как-то социально окрашенно: в повышенном влечении и интересе к человеку, в доброжелательности, оказании внимания и помощи.

Оставим, однако, пока симпатию в покое. Там, где подключается рассудок, всё проще и понятнее. Чаще мы имеем дело с другими эмоциями: страстью, влюблённостью и влечением. Что их объединяет? Все они кратковременны. Это раз! Не имеют ничего общего с рассудком. Это — два. Но есть ещё одно общее для них. Они рождаются из... эгоизма. Казалось бы, какой ужас! Откуда тут эгоизм? И почему тогда эти эмоции так нам нравятся и так живучи? Потому и нравятся, что они для себя любимого! Мы привыкли романтизировать свои собственные недостатки и

выдавать желаемое за действительное. Рисуем свои милые пороки, будто в мемуарах, исключительно с изящной стороны, как бы по-новому осмысленные и вымученные. Согласитесь, рассказывать жизнь свою самому себе должно быть очень интересно. Смотришь, как на чужого, и забавно ловить мысли свои на попытках соврать, спрятать что-нибудь...

Показывают в кино и пишут не о «симпатии» и уж, конечно, не о «любви». Это понятие настолько интимно, настолько незаметно и долговременно, что не привлечёт ни массового читателя, ни зрителя. Если в детективе главное – погоня, то для показа «любви» нужна страсть. Чувства, имеющие шанс быть долгосрочными, неинтересны! В кино в сексуальных темах «любовь» и «нежность» полностью изолируются от каких-либо элементов эротики. Допускают лишь отдалённые намеки на них, и только в связи с идеализированными персонажами.

Неудивительно поэтому, что, говоря о своих чувствах, юные барышни, интуи-

тивно ощущая диалектику яркой эмоции или вспоминая бодлеровский постулат о неизбежной двойственности «прекрасного», часто повторяют что-то подобное: «Мне казалось, любовь – это такое сложное и противоречивое чувство. С одной стороны романтическое, наполняющее, окрыляющее. С другой – надрывное и болезненное».

– Ещё немного, – подыгрываю я, – ещё чуть-чуть, и чудо произойдёт... Но «...по минутам осыпается ожидание невозможного...» (*Р. Лисиц*).

И вдруг – хлоп! – продолжает «парижанка», не обращая внимания на мою цитату из хорошей песни, – одна нотка в голосе, мгновение потухшего взгляда... И сердце разбито.

«Ох уж эти творческие особы!» – подумал я и добавил:

– И ведь всегда кто-то виноват! Один «недолюбил» и навязчив, как Каренина. Другой, как Вронский, «перелюбил», просто хочет работать и тяготится притяжением близостью...

Даже в самой сильной страсти бывают минуты, когда человеку вдруг кажется, что он «больше не любит». Думая о своей некогда возлюбленной, он уже почти не испытывает удовольствия. Жизнь с ней для него утрачивает былой интерес. Самая печальная и унылая пустота сменяет состояние, хоть и тревожное, но когда-то приносящее новое, страстное и увлекательное. Всё! Кончилась любовь! «...И ветер дождём швырнул в заплаканное окно...» (И. Сергеева).

Конечно, ежедневное живое общение неминуемо порождает мощные скрепы. Блеск глаз, теплота и ласки рук... Это не может не вымывать все лишнее и негативное. Более того, сама прерывность отношений порою может нести защитную функцию, помогающую устанавливать различную степень равновесия, стабилизирующую взаимоотношения и позволяющую партнерам отыгрывать свой «сумасшедший мир».

Но вот общение, теплота и блеск глаз сами становятся каким-то потусторонним

и тоже лишним. Как бы пара ни старалась смаковать созданную ими иллюзию тепла, – все это уходит в небытие. Разочарования и обиды нарастают и цементируются, так что их трудно растворить моментами близости. Легче разрешить их отщеплением друг от друга различных переживаний, поддерживая душевный мир ценой фрагментации отношений. Постепенно вымывается потребность слышать другого. Незаметно появляющийся вокруг тебя непроницаемый кокон скоро начнёт отталкивать всех, кроме того, кто «взял на себя ответственность», кто «не радуется за чужой счёт», кто «хочет быть только с тобой» и не играет в виртуальное единение чувств, имитируя ячейку общества.

Он и она по-разному выносят прерывистость связей. Женщина обычно устанавливает строгую границу между старой «любовью» и новой. Мужчина, обладая большей способностью выносить разрыв между эмоцией и эротикой, напротив, может продолжать секс с женщиной, даже

если его эмоциональная привязанность сосредоточена на ком-либо ещё.

Да, случается, что ушедший пытается вернуться, а не просто продлить привычное поведение. Так бывает, когда он чувствует, что потерял или забыл что-то очень важное и нужное. Он снова и снова мучительно вспоминает и навязчиво ищет встречи. Иногда находит. Но чаще приходится признать: что-то безвозвратно ушло. Больше не будет ежедневных разговоров по телефону часами напролёт ни о чём и обо всём на свете! Не получится окунуться друг в друга целиком и захлёбываться, вдыхая возбуждающий аромат тела... Как же больно врезаются в сердце строки из стихотворения Аполлинера: «Срываю вереск, осень мертва. На земле, ты должна понять, мы не встретимся больше...»! Но сегодня это уже реальность. Возвращение к той странице жизни почти не вызывает эмоций. Она теперь не эта, а та. Не здесь, а где-то там. То, что было таким важным, чем ты дышала, что чувствовала, кем любовалась, что было

твоим настоящим, вдруг стало прошлым. От этого становится холодно и неудобно. Ведь теперь в настоящем образовалась пустота...

Или свободное пространство?

Как легко порою мы забываем: «...великий секрет жизни: лечите душу ощущениями, а ощущения пусть врачует душа» (*О. Уайльд*). Произносим привычные слова: любовь, теплота, пустота и даже не отдаём себе отчёт в том, что каждое слово произнесённое – это вербализованное ощущение. Оно уже или бьёт, или исцеляет. От того, как мы чувствуем и понимаем, зависит наше общее состояние и настрой. Пустота – это когда чего-то нет, что-то ушло, убыло, растворилось. «Там над лесом чуть лучики дышат, / Израстая в прожилках заката. / И на судьбы неслышно ложится, / Пусть минутная – всё же утрата» (*Е. Игнатьева*). В какой-то миг своей жизни все люди ощущают утрату и чувствуют себя одинокими. В сущности человек одинок всегда. «Ведь жить – это непрестанно прощаться с тем, чем мы были,

становясь тем, чем мы будем, – вечно чуждым нам будущим» (*О. Пас*). Так опустошение или освобождение? Освобождение места для чего-то нового, когда появляется ещё одна возможность, потом другая?

Не сдержаться! Хочется продолжить строки про «утрату»: ...но с утра мы забудем про это, про утрату, про землю, про лес, мы проснёмся с лучами рассвета... и почувствуем влагу с небес. Прописная истина – после осени пройдёт время, и обязательно наступит весна! Расцветут новые ветки вереска... Эту встречу с аполлинеровским «запахом Времени» мы всегда ждём. И она обязательно состоится! Нужна только сущая малость: уметь ждать и «Увидеть мир в одной песчинке / И Космос весь – в лесной травинке! / Вместить в ладони бесконечность / И в миге мимолётном – вечность!» (*У. Блэйк*). Да, когда что-то кончается в жизни, будь то плохое или хорошее, остаётся пустота. Но «пустота, оставшаяся после „плохого“, заполняется сама собой. Пустоту же после „хорошего“ можно заполнить, только оты-

скав что-то лучшее...» (*Э. Хемингуэй*). Сначала спросим себя: «А может, это и не любовь была вовсе?» Есть же влюблённость, страсть, влечение, симпатия, дружба, семья, брак, наконец. Целая свора всяких понятий! Как понять или почувствовать? Как раскрыть тайну «пылающего Разума»? Ничего невозможного! Всё, что не любовь, можно объяснить и определить. Весь вопрос в том, что это было на самом деле? «Плохое» или «хорошее»?

Запомнили всю свору понятий? Ну-ка! Которое из них плохое?

Когда вы хотите, чтобы вас ласкали и возбуждали, – это страсть. Если ждёте, чтобы о вас всячески заботились, делали вам подарки, обеспечивали вас, – это инфантилизм. Хотите, чтобы вас неистово любили, жить без вас не могли, разделяли с вами всё своё время и отвели остальное на второй план? Это эгоизм. Когда вы хотите срочно родить ребёнка от конкретного человека – это биология...

Кстати, жить так, как вы хотите, – не эгоизм. Эгоизм – это когда другие должны

думать и жить так, как вы этого желаете. Здесь не всё так очевидно! Ведь это своё, родное, его сразу не распознаешь! Даже «если вы что-то сделали для близкого человека, но при этом вам не нравится его реакция. Кажется, что он невнимателен или неблагодарен, значит, вы это сделали для себя» (*Э.-М. Ремарк*).

Нет! Это не про «любовь». Это про другое. Похоже, что это про «источник самообмана, который выражается в „конфликтной игре“ „зеркальных отражений“» (*Ж.-П. Сартр*). Хорошо сказано! Ёмко. Действительно, всё в этом мире устроено по принципу зеркала. Наше окружение является нашим отражением. С помощью других людей вы можете понять, что есть в вас самих. Если вы недовольны окружением, своей работой – вы недовольны, прежде всего, самим собой. Люди просто отражают наше представление о себе. Что во мне, то и вовне! Наш внутренний мир взаимосвязан с внутренними мирами других людей. И если вы окружены добрыми, светлыми, любящими

людьми, значит, вы сам такой же. Работайте над собой – и мир вокруг изменится! А любимый человек – это тот, ради которого вы готовы пройти все трудности и изменяться к лучшему. Тот, кого вы примете полностью, со всеми его недостатками.

Любовь проста и естественна, приземляет прочно и прямоком в реальность. А ещё она деятельно прикладная, так как не замкнута на себе, а предназначена «для». И к тому же она заботлива. Не озачабочена, а заботлива. Еще Стендаль в позапрошлом веке такое увидел и назвал «кристаллизацией» – обязательным условием «зрелой любви». Именно здесь зарождается не что иное, как признание другого такой же личностью, как ты сам. Здесь нескончаемый поток открытий его или её новых и новых достоинств... Здесь обоюдная эмпатия и идентификация своего «Я» с болью или радостью другого...

Но нет в любви той самой *боли*, о которой говорила «парижанка», нет надрыва, остроты, ни разбитого сердца, ни каменного. Не нужно никому ничего доказывать.

Очень малой надежды достаточно, чтобы вызвать к жизни любовь. Через два-три дня надежда может исчезнуть, а любовь уже родилась. Она родится и гаснет без малейшего участия воли. Вокруг всё крутится, вертится, качается... Как в детском калейдоскопе. А Она – светлый покой души, ровное биение сердца, глубокий вдох и долгий выдох. Ни слезинки, ни упрёка...

Может, именно из-за подмены понятий у нашей «парижанки» и появляется ощущение *боли*, мол, «что-то не так, что-то не очень чтобы очень...»? Кстати, девушка не одинока в своём восприятии «любви». Так же размышляет мексиканский поэт Октавио Пас. Он даже «украсил» своё видение метафизической формулой. «Любовь – это точка пересечения между желанием и реальностью. Она *открывает реальность желанию* и создаёт переход от „эротического объекта“ к „любимому человеку“. Это открытие почти всегда *болезненно*, поскольку любимый человек представляет собой одновремен-

но и тело, в которое можно проникнуть, и сознание, в которое проникнуть невозможно». Противоречие самой природы любви, говорит Октавио Пас, в том, что *желание стремится к осуществлению* с помощью разрушения желанного объекта.

Да, никуда не денешься! Сказалось, не могло не сказаться частое общение будущего нобелевского лауреата с сюрреалистами. Те, ради достижения глубин подсознания, нередко выполняли свои работы под воздействием гипноза, алкоголя, наркотиков или голода. Это именно они придумали теорию «*освобождения желания*».

За «Невыносимую *легкость бытия*» (М. Кундера) Нобелевскую не дают! Лучше попробуйте сыскать мучения и *боль*! Да не в страсти! Тут любой сподобится. А в самой любви! Пусть даже чисто теоретически, пусть в фантастическом сне или в «Лабиринте одиночества»... Почувствуйте «Тошноту» с её невозможностью любви и доверия, или заболейте «Чумой» с неизбежностью смерти и размышляйте: как быть? Потом вылезайте из узкого

«Лабиринта» и где-то в затерянных джунглях окунитесь в «Сто лет одиночества». Или просто отдайте своё сердце «Клубку змей» и станьте великим мастером убивать в себе всякое чувство и довольствоваться простейшими отношениями...*

К мечте только через страдания! Ведь так?! «Per aspera ad astra». Сенека сказал! Не кто-нибудь. Сартр, Камю, Маркес, Мориак, да и Пас... это лишь повторяли. Правда, каждый, пропуская через своё «Я» большого художника.

Западная философия и мировоззрение вообще пронизаны приматом изменений. А они не даются так просто! «Менять течение рек», «высокие горы сдвигать», или однажды появившееся «желание» вдруг само собой устремится к осуществлению... Вот беда-то будет! Сколько страданий, мучений и *боли*!

* «Лабиринт одиночества», «Тошнота», «Чума», «Сто лет одиночества», «Клубок змей» – произведения нобелевских лауреатов по литературе Октавио Паса, Жан-Поль Сартра, Альбера Камю, Гарсиа Маркеса, Франсуа Мориака.

А зачем всё это? На Востоке, к примеру, иначе смотрят на мир. Гармонично и мягко встраиваться в существующую природу, не менять, не разрушать, а регулировать архитектуру любых отношений. Тем более между людьми! Учиться ждать... Всё приходит в своё время для тех, кто умеет ждать. Правда, это совсем не просто. Помните, что самое главное? «Самое главное – сказку не спугнуть и миру бескрайнему окна распахнуть!» (*Н. Добравов*). И тогда море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникнет в вашу душу, наполнит восторгом, умилением и не вполне понятной истомой...

Уж если диалектика, то пусть она проявится и здесь! В уважении или хотя бы терпимости ко всем взглядам на жизнь. Ведь изучал Октавио Пас и восточную, и западную культуру, переводил и Басё, и Аполлинера! При чем тут сюрреалистическая «точка пересечения между желанием и реальностью», воздвигнутая с «замахом сказочного дровосека»? Любовь не

партнёрство, которое считается браком, не страсть с ее бессознательным аффектом или болезнью и не слепой инстинкт, который гасит мысль и парализует волю. Это чувство глубокой привязанности и устремлённости к чужой жизни и желание украсить её радостью и красотой. Согласитесь, чтобы уважать или украшать, совсем не обязательно испытывать жгучую боль!

А если это действительно Она, Любовь? Тогда вообще всё просто. Когда вы любите – вы ничего не хотите. Вы просто любите. Вы ходите по квартире, пишете письма, пьёте чай, говорите по телефону – и одновременно любите того человека. Он может быть в это время где угодно и с кем угодно. Он может даже не знать о том, что вы его любите. Да, это не практично, иррационально и странно. Но именно это и есть любовь. Всё остальное – человеческие страсти.

«Можно любить женщину очень сильно и всё же не мечтать о том, чтобы прожить с нею всю жизнь» (С. Моэм). А «луч-

ший способ сохранить любовь мужчины – не выходить за него замуж» (К. Денёв). Смотрите же, как одинаковы мысли британского писателя-разведчика, автора 78 книг, и одной из самых элегантных, красивых и стильных француженок, актрисы из давнишнего полюбившегося всем французского фильма «Шербурские зонтики»! Разные страны, разные времена, разные люди...

Мучительно выстраивать можно отношения, но не любовь. Бороться можно за первое место на конкурсе или свои права, но не за любовь. Ожидать можно честности или понимания, ответственности за слова и поступки, но не любви. Любовь – не имеет практического результата. Нужно научиться называть всё своими именами, и тогда всё станет на свои места.

Любовь – это просто приятное тепло внутри вашего тела. Это когда от него ничего не нужно. Ни общения, ни секса. Ничего... Я чуть-чуть утрирую! Только бы он был на этом свете. Со всеми его недостатками, женатый, с детьми... Просто когда я

думаю или говорю о нём, какое-то нежное тепло наполняет меня. И всё! Любовь связана с вами. Это способ существования. Это такое ваше свойство, качество – уметь любить.

Действительно, ведь если любимый человек ушёл, вы всё равно сможете его любить. Те, кто уходят из жизни, – тоже в нашем сердце. Кто-то хорошо сказал: «Мы привыкли использовать другого человека в качестве ключа, чтобы открыть то, что уже и так есть внутри нас самих. Ведь нет же ни замка, ни двери, ни стены... А отыскав подходящий ключ, начинаем бояться его потерять!» Мечтаем, как в детстве, повесить его на шнурочке на шею. Как только мы пытаемся это сделать, две жизни стремительно покатаются в разные стороны или к пропасти!

Что же делать?

Помнить, что лечить душу нужно ощущениями! Самим управлять своей радостью, счастьем, а не уповать на внешние стимулы! Нужно помнить, что любовь живёт не в другом человеке, а в вас! Осо-

знать это – значит быть свободным. Ведь как нас учит философия? Свобода – это осознанная необходимость!

Внутренняя свобода дарует вам самую большую уверенность в себе, которую не купишь ни за какие деньги, не заслужишь никакими поступками. А с таким человеком, наполненным светом, добротой, любовью и счастьем, естественно, захочет быть каждый.

Как нет абсолютно нерастворимых веществ, так, наверное, нет и абсолютно «чистой любви». Любовь, как глубокое и долговременное чувство, совсем не исключает ярких проявлений и влечения, и симпатии, и страсти. Именно поэтому, остро переживая такие мгновения, многие считают, что это и есть любовь. Сразу хочется остановить эти мгновения, создать из них нечто прочное и долговременное. Увы! Чаше всего это приводит к неприязни и даже вражде. Автор «Человеческой комедии» так и сказал: «Брак – это война до победного конца... и победа, то есть свобода, достаётся тому, кто более ловок» (*О. де Бальзак*).

Когда мы слишком привязаны к кому-либо, будь то домашнее животное или человек, вместо того, чтобы относиться к нему как к отдельному существу с его собственной жизнью, мы разбиваем себе сердце.

Почему любовь – это всегда свобода без напряжения, а мы пытаемся удержать её любой ценой? Цепляясь, мы испытываем страдание, если не получаем желаемый объект. А если мы всё же становимся обладателями объекта желания, он в конечном итоге меняется или исчезает, что обязательно причиняет нам страдание.

Получается, что мы заранее стараемся защитить себя от угроз потери и в физическом, и в психологическом смысле, и поэтому цепляемся ещё сильнее. Но чем крепче мы за него держимся, тем более отчаянным становится наше положение. Ведь мы не в силах контролировать других живых существ. Всё в этом мире нуждается в дыхании и переменах. Мы забываем, что нам никто не принадлежит. Ни наши мужья или жены, ни дети или внуки, ни друзья или возлюбленные... Можно

только чем-то делиться с ними. Зато то и дело переживаем, когда у нас чего-то нет, а хочется. Когда нам чего-то не дали, а мы ждали. Редко задумываемся о том, от чего нас уберегла Судьба, не дав желаемое сейчас. Всё приходит и уходит вовремя!

Освобождение объекта желания – это не отказ от него. Напротив, вы можете быть настолько близко к нему, насколько вы этого хотите. Никто не призывает вас отказываться от всех тех приятных вещей, которые приносят в нашу жизнь отношения. Просто вы должны понять, что любить человека – это значит позволить ему оставаться самим собой.

Вспомните, как вы наблюдаете закат. Вы полностью отдаётесь любованию, не переживая о том, что он скоро закончится. Вот солнце полностью село за горизонт, а мы чувствуем себя при этом в полном порядке. Хорошие родители воспитывают детей, окружая их заботой и любовью, но понимая, что это маленькие люди, которые вырастут и станут полноценными личностями со своими собственными

жизнями. Если родители любят детей, а не считают их частью себя, то они без страха отпускают их.

То же самое и с нашими «вторыми половинами». Фу! Уже здесь, в этих двух словах заложена глупость! Любить их – это значит признать, что они тоже живут, позволить им дышать и быть несовершенными, оставлять пространство для совершения ошибок. Любить – это значит слушать, дарить нежные прикосновения и относиться к опыту другого с таким же пониманием, как и к собственному. Это означает заботу без разрушения и цепляния, а не борьбу с возможностью теоретической потери и «по минутам осыпавшимся ожиданием невозможного...».

Но как хочется зрелости отношений сразу! Так нет же – они приходят только со временем. Здесь и сейчас мы ищем эмоциональную связь, которая развивается лишь с годами, а в своё оправдание вспоминаем о любви «с первого взгляда». Легко вступаем в отношения при малейшем притяжении к человеку, а потом – прямо

как в фильме «Затмение» Антониони – так же легко выходим из них. И не только тогда, когда находим кого-то лучше. Мы не хотим мучиться и открывать новое и хорошее в этом человеке. Нам надо, чтобы он сразу был идеальным. Мы вообще не умеем находить позитив в любой ситуации и тем более его ценить. Только негатив! Прямо как в телевизоре! Пожар, наводнение, ДТП... Конечно, ведь запоминается только негатив! Как следствие, мы во всех заранее разочарованы... и боимся ошибиться.

Ах, это новое поколение! Насмотревшись на финансовые катаклизмы, на перманентный передел собственности, оно боится. Боится влюбиться, жениться, потерпеть неудачу, почувствовать боль, разбить себе сердце, иметь недвижимость, в конце концов. Оно не подпускает никого к себе и не подступает ни к кому. Оно давно забыло или никогда не знало, что «успех – это способность шагать от одной неудачи к другой, не теряя энтузиазма» (У. Черчилль).

Они хотят, чтобы всё было легко и быстро. Достаточно одного препятствия, чтобы опустили руки. Они не позволяют любви расти, уходя раньше времени, ищут не любви, а острых ощущений. Хотя всегда уверены в обратном. Они хотят того, с кем можно сходить в кино и кафе, а не того, кто может их понять, даже когда они молчат. Они проводят вместе время, но не создают общие воспоминания.

Им не нужен партнёр на всю жизнь, а лишь тот, с кем будет хорошо здесь и сейчас. Когда страсть угасает, они понимают, что никто не готовил их к обыденности жизни. Они погружаются в бессмысленную или даже очень важную городскую суету, не оставляя места любви. Они занятые, мобильные люди, преследующие материалистические мечты, и любовь в эту конструкцию ожиданий просто не вписывается.

Они сидят за высокими стенами, которые возвели вокруг сердца, ждут любви и сбегает, прячутся каждый раз, когда она появляется на горизонте. Боятся быть уязвимыми. Как Шарль Бодлер, не хотят ого-

лять свою душу ни перед кем. Вычурная одежда, скрывающая естественные формы тела, пища, сдобренная специями, женское лицо в жуткой косметике – всё это различные проявления страха перед живой, непредсказуемой, неукрощённой жизнью. В её неоформленности и случайности нечто родственное хаосу, и потому они всегда пытаются набросить на неё искусственное, ими же сотканное покрывало. Это бунт против всего, что нас окружает, против всей вселенной! Раз уж изменить её они не могут, тогда это такой способ скрыть себя, повести взгляды других людей по ложному пути, не дав им увидеть себя настоящего.

Слишком часто мы фокусируемся на ценности того, чем мы обладаем. Мы закикливаемся на своих тревогах и страхе потерять любимого человека, работу, знания, машину, квартиру... А в результате это всё равно случается, мы их теряем или забываем. Мы не умеем испытывать счастье. Более того, мы не умеем быть счастливыми, когда остаёмся одни. А ведь это самые долговременные отношения!

Вы встретились потому, что были влечение и симпатия. Вам было интересно друг с другом. И даже если вы расстанетесь, то никогда не забудете это счастливое время. Вы не всегда будете счастливы, будете раздражаться, беситься, притираться, выяснять отношения. Будут периоды, когда секс будет ужасен, разговоры утомительны, кино скучное. Это всё течение жизни, закономерное и понятное. Его нужно стараться преодолеть, находить интересное друг в друге, поддерживать в начинаниях, утешать в разочарованиях.

Хотите понять, имеете ли вы здоровые отношения или это болезненная привязанность? Тогда ответьте на вопрос: могли ли я отойти в сторону, сохранив спокойствие и чувство заботы? Могу ли я отделить его тёплые слова от поступков? Ведь только действия человека говорят о его личности и его отношении к вам.

«Не верьте словам. Просто наблюдайте – и вы увидите истину» (*Дж. Б. Шоу*).

Предчувствие

Эссе

Сегодня поздно вышли гулять. Сразу к Мольеру на площадь. Там тихо, никого в это время нет. Сидим с Масиком на скамеечке, и я ему читаю монологи Сида и Фигаро. Приучаю к мелодии французского стиха... Благо ни Корнеля, ни Бомарше, ни улиц с их именами рядом нет.

Глядь, а из переулочка Шарля Перро, как из сказки, выходит барышня с собачкой. Мой товарищ – ноль внимания! Никакого желания продемонстрировать какую бы то ни было озабоченность. Весь в литературе. Собачка, тоже джек-рассел, подбежала ближе, хвостиком вильнула... «Ну это уже слишком! – вставая на свои

коротенькие ножки, подумал Масик. – Я в искусстве, понимаешь, а эта... Гав! – громко вымолвил он и повторил вполне определённо: – гав, гав...»

– Тося, Pour moi! Не приставай!

– C'est joli! – только и произнёс я, услышав непривычную смесь французского с русским и, предчувствуя удачу, размышлял: «Потом, скуки ради, будет с кем поболтать. Может получится неплохое эссе! Эдакие непреходящие извивы чувств...»

Девушка в «моём» шарфике цвета хаки, в коротенькой белоснежной курточке, с золотистыми прядями каштановых волос, спадающими на плечи, мельком, взмахнув ресницами, взглянула на нас и тотчас отошла в сторону. Потом присела на корточки и принялась тереть щенка. Продолжая игру с собачкой, она встала, хлопнула в ладоши, щенок перевернулся на земле и отбежал в сторону. Милая шатенка тоже побежала, на мгновение обернулась, сверкнула улыбкой на живой шарик, едва поспевавший за ней, потом на

Масика, и будто Золушка, исчезла так же быстро, как и появилась...

Видимо, затерялась где-то во дворах улицы Мишеля Монтеня, главного эссеиста всех времён и народов. Это он впервые, ещё до меня, попытался говорить сразу обо всём и ни о чём, не имея предварительной темы, жанра, идеи, но как бы пробуя себя и в том, и в другом, и в третьем.

Прелюдия

Эссе

Утро. Лесная тропинка вдоль осеннего холодного моря. На земле мокрый ковер из бордово-жёлтых листьев, шуршит поблекшая трава. В воздухе свежая сырость от прошедшего дождя, всю ночь приятно стучавшего по окну. Волны быстро набегают на каменистый берег и, кусая его, бессильно откатываются назад. Красиво улетают птицы. Внезапный порыв ветра разбавляет терпкий аромат увядания...

Баня уже готова. Дубовые и берёзовые веники распарены. Медленно растекается аромат разогретого тёмно-янтарного жасминового масла. Он немного гуще и ниже

запаха цветущего здесь жасмина, с явно медовым тоном и лёгкими нюансами амбры и свежей зелени. Наполнив парилку, этот аромат ненавязчиво напоминает о радостях прошедшего лета, разжигает фантазию и вызывает лёгкую эйфорию...

Сначала спокойно сидеть и вдыхать насыщенный целебными запахами горячий воздух. Потом подбросить на раскалённые камни чуточку воды с капельками настойки из берёзовых листьев, насладиться её шипением и, наконец, не касаясь тела, размахивать вениками, подгоняя вплотную к спине и ногам горячий воздух. Как же приятно наблюдать появление на теле одинаковых крохотных капелек! Это поры помогают коже дышать, увлажняют и защищают её...

Нет, нет, парить ещё рано! Теперь настол для мыльного массажа! Набор из жёстких и мягких мочалок и губок, тазик с горячей пеной от мыльной воды... Всю пену на тебя! Она впитается, и через минуту-другую можно начинать. Сначала жёсткая мочалка разотрет всё тело от ног

до шеи. Пена сойдёт, и станет видна покрасневшая кожа на бедрах, ягодицах, на спине, на животе... Сразу захочется мягких приятных прикосновений... Что ж, на это ещё полчаса... Вот тут главное – сохранять спокойствие и верность долгу парильщика!

Опять в парилку! Снова ковшик воды на камни, и только теперь можно и нужно парить вениками. Но это уже совсем другая история... Она не способна влиться ни в одно стороннее повествование.

В конце блаженства – водопад из холодной воды, и – до боли растирать всё тело махровым полотенцем. Нагретая простыня, халат, свежий чай с мятой «без ничего» и спать!

Через час-другой обед. Холодная водочка, селёdochка, усыпанная колечками репчатого лука, горячий отварной картофель с укропом и тающим маслом, тонко нарезанные кусочки сала из морозильника, щи со сметаной и чесноком, чёрный хлеб с горчицей... А ещё! Нежная, свежая корюшка на пару...

Первая рюмка немедленно требует кусочек селёдки с подцепленными на вилку колечками лука. Капельки масла должны стекать именно с лука. Ни в коем случае не с селёдки! Именно она должна нежно войти в тебя, привнося вкус слабой соли и нежного мяса рыбы, скользкой по обезвоженной водкой поверхности горла...

Раз! Теперь свёрнутый в трубочку ледяной кусочек сала! Он сотрёт яркий привкус солёной рыбы и оттенки горечи репчатого лука на середине языка. Его холод только глубоко внутри погасит энергию от растворившейся там водки. Потом сразу кусочек рассыпчатого картофеля в масле и с укропом... Вернуть так необходимое тепло! Не дай Бог вздумаете приготовить картофельные клубни в СВЧ! Рядом к столу не подносить! Там нет никакой рассыпчатости. И никаких разговоров – тотчас пошла вторая рюмка. Кстати, двух вполне достаточно, чтобы приниматься за щи. И когда в тарелке останется совсем мало бульона, следует намазать чёрный

хлеб горчицей, лучше французской – она не такая сильная, – и, подцепив кусочек отварной говядинки, радостно отправить его в рот вместе с кусочком хлеба, украшенного кашицей цвета хаки...

Стоп! Перед этим действием забыли третью рюмку!

Вот теперь всё.

Снова в баню. Туда, где недавно отдыхали после парилки... Камин, тихая музыка, бутылочка Монравель с сыром Рокфор, Камамбер и Риготт-де-Кондрие... Общение, блаженство и томление от близости влекущих к себе тел и душ...

Постепенно наступает ночь...

Пробуждение

Новелла

Ты ещё спишь, сладко и безмятежно, чуть покрытая простыней. Вдруг поворачиваешься на другой бок, потом на живот, снова на спину... Наверное, всё, что было этой ночью, вновь ярко и зримо предстаёт перед тобой во сне. Простыня давно уже сползла с обнажённого тела, оголив ноги и бёдра. Огонь в камине вспыхнул с новой силой, и его яркий свет, скользнув по загорелым ногам, уткнулся в ненаглядный изгиб «лебединого сада», забегал там из стороны в сторону и замер... Тонкая бороздка кожи, плотно сжатая набухшими и немymi губами, вдруг засветилась серебряной нитью... Сначала захотелось

прикоснуться пальцами и промокнуть эту желанную влагу... Не-е-ет! Не так! Погрузиться туда лицом и вдыхать, вбирать, впитывать в себя весь аромат пробудившейся сказки! Вот руки сами потянулись вдоль твоего тела. Они пытаются прикоснуться к груди, чуть колышущейся под простыней... Кажется, будто ещё ночью, когда мы «летали в облаках», кто-то маленький украдкой забрался туда, и теперь, почувствовав приближение третьего, хочет, но не может выбраться... Пришлось подвинуться ближе и встать на колени. Окунувшись через ткань простыни в зыбкое и упругое тело, пальцы с нетерпением рыскают в поисках чего-то твёрдого... Находят! И теперь только эти две твёрдые кочки, не отдавая ласку никому другому, набухают, ещё сильнее твердеют и разносят по всему телу мощные вспышки сладострастия...

Ресницы распахнулись. Тело вытянулось. На твоём лице ещё млеет сладкая истома, а в глазах уже загорается восторг. Конечно, теперь он прямо перед глазами...

Упрямый и сильный, влажный от вязкого и терпкого ликёра любви, с оголённой вершиной, покрасневшей от стыда и предвкушения улады... Свет от камина изредка падает и на него. Отражаясь, он преломляется в перламутре тонкой плёнки «патины» из изливающихся гормонов радости и удовольствия. Жемчужные блики проявляются и тотчас исчезают. Хотя здесь совсем другие гормоны! Они отвечают только за предчувствие...

Ты любишься этим игрушечным, но живым, исповедальным «центром мироздания», и возникает чудесная иллюзия мерцающего звёздного неба с его огромностью, непредсказуемостью и сокровенными тайнами. В этот миг существует только одно – страсть! Она затмевает разум и вызывает приятный, неуёмный трепет во всём теле... Мне! Всё только для меня! Ты видишь, как его тело натягивается, будто тетива, и знаешь, эта тонкая, но крепкая нить, так же, как и твоя «серебряная ниточка», неотвратимо подарят вам то, что вы так ждёте. Они выпускают свои стрелы

любви... Одновременно! Но сначала это восхитительное очарование уверенно и нежно проникнет в тебя... Оно заставит твои упругие губы сжимать его, отпускать, вновь впускать и потом надолго скроется в сказочной бездне с горячим сладостным дыханием вечного счастья... Спрячется, чтобы ничто не мешало всем клеткам твоего возбуждённого тела чувствовать чуть ощутимые, но ошеломляющие и ни с чем не сравнимые толчки от прорывающегося наружу божественного нектара.

Такое ощущение, будто все его органы, работая наподобие мощных форсунок, производят выброс своих, особенных жидкостей, стремясь наполнить невидимую камеру сгорания. Вливаясь в этот великий коктейль жизни, туда же устремляются резвые и игривые извечные носители счастья и проблем... Давление достигает предела. И вот эта масса из аминокислот, витаминов, белка, фруктозы и почти всей таблицы Менделеева, даруя сладостные ощущения, выбрасывается несколькими неистовыми спазмами. Вяз-

кая, мутноватая, с запахом сырого каштана, она лёгкими толчками выбрасывается наружу и попадает на твои бедра, живот, грудь.... То светлая и прозрачная, в нескольких местах покрытая почти белыми, иногда серебристо-сероватыми дорожками, то ярко-синяя, пламенная, сверкающая. А если привстать или подойти к камину – играет всеми цветами радуги и, словно молочный туман, застилает глаза... Ничто на небе и на земле не сможет остановить её поток.

В эти мгновения ты, как ребёнок, который норовит всё положить себе в рот, ладонью снимаешь кисею, висящую по всей высоте уставшего очарования, и, не задумываясь, пробуешь это на вкус... Она сладко-солёная с горьковатыми и кислыми нотками... Блаженство видеть и чувствовать этот эликсир бессмертия, жизни и любви! Что может быть приятнее, лучше и здоровее? Прогулка по лесу, баня, массаж, сон, вкусный обед, приятное общение... и вот такое пробуждение ото сна. Разве что описание всего этого чуда!

Но что заставляет задуматься? Если много таких мгновений счастья – в эликсире любви больше горечи... Мало – и тогда сладость наполняет его.

Отчего так?

«Глория»

Очерк

В Маноле при ветре пять метров в секунду моя «мельница» крутится так, что кажется, вот-вот улетит... Там осенью такой ветер частое явление. Сегодня здесь 12! В Барселоне рекомендуют не подходить к морю. Мол, может унести... В Ситжесе всех ещё совсем недавно так вызывающе загоравших chicas, должно быть, уже унесло...

Волны иногда высотой метров пять!

Завтра якобы будет ветер в пять раз сильнее... Это 90 км в час!

Мы привычные! В прошлом году ждали ураган Лесли – 200 км в час. А было всего-то 150. Во Франции два года назад

ехали с Масиком по трассе от Перпиньяна до Сера при трамонтане 80 км в час! Машинки прыгали, как блохи. Одна мысль в башке – только бы не было рядом фуры!

Дрова есть, вода в бутылках, машину отогнал вплотную к забору... Но небо!

Ждём-с. Всё-таки не португальское побережье океана!

Пока набирал текст, смотрю, здесь уже 70 километров в час!

Слышу, звонят...

Направился к выходу. Напаялил на себя всякие клеёнки... Масик не выпускает. Необычно! Не увязывается за мною, а именно не пропускает. Стоит перед дверью на своих маленьких лапках, хвост поджал, а голова – вверх, и в глазах немой укор: «На кого ты меня оставляешь?» Уговорил.

Дождь хлещет... Порывы ветра... У наших ворот стоят жёлтые машины с большими красными буквами – спецтехника... Фонари крутятся и мигают... Видимо, для уборки завалов на дороге.

Спросили, можно ли к нашему забору ленту прикрепить “*po passeu*”. Я разре-

шил! И тем, должно быть, спас многих автомобилистов... Показал на дерево, лежащее около моей машины. Махнули рукой и уехали. Мол, мелочи!

Однако дьявол именно в мелочах! С Масиком не гуляли сегодня. Вот беда!

Всю ночь то и дело повторялись жуткие порывы ветра, сразу обязательный треск ломающегося дерева и Масик прячется под кровать. На мгновение куда-то исчезает густая пелена дождя, непрерывные потоки воды на асфальте и подпрыгивающие крышки люков. Это, я вам скажу, интереснее гололёда будет! Редкие чудачки на своих авто просто плыли вниз по склону дороги вместе с потоками воды, задевая заборы то слева, то справа... Пока колесом не уткнулся в открывшийся люк, откуда только что под напором воды выскочила тяжеленная чугунная крышка... Это, надо отметить, для них большая удача! А так бы плыли себе до самого ручья.

Темно. Но всё прекрасно видно. Правда, одно-два мгновения. Вспышка молнии, и через секунду гром! Неприятно...

Зато светло! А рядом, за пригорком, небо освещают всполохи вращающихся огней спецмашин... Не сразу это поймёшь. Сначала кажется, будто молния попала во что-то, и теперь там полыхает... Оттуда же доносится «пулемётная очередь» и истошные режущие звуки. Не бойтесь! Это наверняка отбойник и пила.

Не выдержали, сходили посмотреть и убедиться. Правда, Масик сначала опять не пускал! В ста метрах от нас упало несколько деревьев. Они порвали все провода, заборы, проломили крышу соседнего дома... Большой пёс, поджав хвост, стоял за воротами и не гавкал на Масика. Конечно! Виноват! Не уберёг. Мой пёсик с пониманием посмотрел на него и тихо прошёл мимо.

Сразу пропал и вайфай, и любая мобильная сеть. Но непруха стаями ходит! Возвращаюсь, а света в доме нет! Оказывается, сработал предохранитель. Где-то коротнуло... Поднимаю переключатель... Фиг! Сразу вспомнил про местное дерево. Их тут много! Фига называется... Думаю, надо, чтобы отдохнул... Кто? Да всё

равно кто... Подождал, снова поднял. Опять – фиг!

Тогда я включил мозги. У нас есть один агрегат, такой же умный, как я. Он в бетонном колодце рядом с домом. В нём много всего, и наверняка есть что-нибудь электрическое. Смотрю – залило его водой по самую макушку! Но я продвинутый сеньор! Беру ведро, и давай вычерпывать воду, пока из неё не выглянули концы электрического «умника»...

Одна мысль больно сверлила моё сознание. А вдруг дёрнет! Вода, электричество... Да, память стала уже не та! Рубильник-то выключен. Кстати, и фонарик не нужно было во рту держать. Молнии делали своё дело.

Откачал «больного» – свет и появился. Это главное!

Из средств поддержания коммуникаций осталось только моё авто, предусмотрительно переставленное в более или менее безопасное место.

Да всё равно не проехать... Может, утром...

Утро. Летают самолёты. Это хороший знак. Наконец-то на Андроиде появилась малюсенькая лестница в правом верхнем углу! Будто её всю ночь отбойными молотками пробивали в каталонских скалах местные спасательные службы.

Квант времени

Очерк

После общения с местными пятнадцать дней сидел дома и иногда гулял в лесу с Масиком... Сегодня не выдержал! Напялил на себя маску, перчатки резиновые, шапку... и поехал в магазин! Нет, вообще-то я оделся, конечно. Как в лесу гуляю с Маськой, так и оделся. А что? Справка у меня есть из муниципалитета, что тут живу рядом и пока не болел, права и всякие тархеты местного королевства – тоже. Температура моя нормальная и кушать опять-таки хочется... Правда, чуть кашляю. Но я не стану этого делать, когда остановят товарищи в жёлтом или в зелёном. «Зелёные» просто заберут куда-

нибудь далеко, а «жёлтые» – штрафник выпишут на полтора куска. Ничего так!?

Короче! В магазине есть всё. Набрал я этого всякого в тележку. Благо она большая и, как оказалось, бесплатная!

Внутри магазина народу много – это минус. Но все в масках и перчатках – это плюс! Прямо как я! На сердце сразу стало тепло и спокойно...

Слышу – крик. Ещё... Какое-то движение... Появились «жёлтые». Не те – другие, магазинные. Обхватили с двух сторон какую-то барышню симпатичную, но без резиновых перчаток, и культурненько выдворяют её из магазина. Ишь какая непослушная! И социальная ответственность ну явно пониженная!

Народ проникся глубоким уважением к блюстителям чистоты подданных королевства, и приглушённый масками гул одобрения пронёсся по залу, долго витая между длинных стеллажей с едой.

Настоящие «жёлтые» остановили около съезда на автостраду. Наверное, подумали, что я с кругового перекрёстка буду

выезжать на дорогу Барселона – Террагона. Я что, совсем дурак?! Нестись по асфальту навстречу пристанищу вируса... Посмотрели чек из магазина и пожелали здоровья... «No te enfermes!»

Теперь опять ждать две недели! Потому как вдруг он всё-таки умудрился запрыгнуть куда-нибудь на шею и сейчас, обманув мои трансмембранные рецепторы, всеми силами торопится зацепиться своими шиповидными отростками... Ведь на жизнь, приятную во всех отношениях, ему отведено только две недели! Если действительно запрыгнул, – то и мне тоже... «Дальнейшее – молчание».

Пятнадцать дней! Этакий квант жизни.

* * *

Вот так постепенно сползаем мы в нечто, напоминающее «микромир» с его особенностями пространственно-временных отношений, принципом неопределённости Гейзенберга и двойственной природой света. Света, который таится во всех чудесах и прелестях мира... И в тебе

самом! Ведь, как и в электронных облаках, измерять расстояния твоих перемещений бесполезно. Их просто нет. Вернее, не должно быть! Ты в доме или в квартире, и не дай Бог куда-то выйти вовне! Это также губительно для тебя, как и для атома при переходе хотя бы одного его электрона на более высокую орбиту. Он просто оказывается неустойчивым...

Никто не знает, что выбрать. В течение двух недель ты внешне здоровый, а, может быть, уже инфицированный... В этот временной интервал твоё состояние неопределённо. А если система, тем более биологическая, в один и тот же временной интервал имеет хотя бы два физически различных состояния, то их векторы развития становятся бесконечными и... практически неуправляемыми.

Зато пройдут две недели, и ты поймёшь, как важно исполнять все противовирусные требования. Так или иначе, но обязательно догадаешься!

Запахи прошлого. Эпикриз

Эссе

Что за год такой! Хотя... Наверное, это не он, это я такой. Генетический кризисник. Случись что, я тут как тут! Всегда и везде объявляюсь, когда жуть какая-нибудь возникает.

В 72-м после полного солнечного затмения четыре месяца качаюсь в штормовом море Бофорта. Сквозь всеобщую и перманентную тошноту ишу в Арктике новое подводное течение... «Фига»! И ведь нельзя! Кромка льда подберётся к берегу мыса Барроу, и не выбраться из этого чужого моря... Еле-еле успели!

Потом «прыгающая»... Придумали, понимаешь, на самолётике весь бассейн арктический облететь, раз сто сесть на лёд, взять воду с разных глубин и, глядишь, опять-таки течения новые сыщешь! В общем, это всё для того, чтобы не на льдине дрейфовать целый год, как Папанин, и не на айсберге, как Чилингаров. Дали четыре самолётика с красным хвостом. Это когда он улетит, а ты остался. Его видно далеко на фоне льда.

Прыгнул на ходу, дырку просверлил, а оттуда столб воды! Значит, лёд тонкий, и самолётику пора сваливать! А ты уж потом, когда увидишь вдали красный хвост, туда и иди... Ещё интереснее, если он не успевает улететь. Тогда впору самому себе придумывать «красный хвост»...

Угробили четыре машины. Удовольствие называется – «первичная посадка на лёд неизвестной толщины». А что? Зато час полета – три шестьдесят, как бутылка «Московской», каждая посадка – червонец... А ещё червонец за день на льдине, где аэродром, плюс штормо-

вые, гробовые... Как всё толково продумано!..

Через год – Чили. Правительственный переворот. Группа из двадцати комсомольцев прилетает в город Вальпараисо для организации вывоза наших студентов. Всех арестовывают, связывают руки и бросают в трюм небольшого советского торгового судна. Будто молодогвардейцы! Как бы, вернули на Родину... Там лежат друг на друге. Нестерпимый смрад от смеси соляры, духоты и мочи... С берега доносятся истошные крики... Через два дня открылся трюм, и местные солдаты в касках, почти как у немцев в ту войну, вытащили всех на палубу. Там какой-то мужик в фуражке и ещё пять матросов. Все избиты, на рубашках пятна крови. Как-то умудрились отплыть на Кубу. По штату надо пятнадцать матросов! Никаких наших студентов даже и не видели.... В общем, опять «Фига»! Сами еле-еле выбрались. И ведь никто ничего не знает! Время такое: новости на телегах развозили в железных клетках... Помню, в восьмидесятом

самолёт разбился под Ленинградом. По приказу партии хожу по квартирам и общаю родственникам о... Ну, вы понимаете о чём. До сих пор удивляюсь, как не прибили меня эти самые родственники погибших. Слава Богу, что мне только три квартиры достались!

В 83-м вонючий сарай на краю Кандара с забитыми окнами и ямой вместо туалета. Одна табуретка перевёрнута, внизу керосиновая лампа, а сверху на ножках тряпка, чтобы прикрыть свет. На другой табуретке печатная машинка «Аурика»... Тщетно стараюсь плодить инструкции о том, как примирить Хальк и Парчам – две враждующие части правящей партии. Опять-таки «Фига»! Одно радует: из щелей забитого железными листами окна, как туман поутру, постоянно стелется аромат моего жилища. Ни одна собака не сунется!

В 90-м два месяца в Тель-Авиве. Этакая бизнес-разведка! Пытаюсь постичь, как управлять в условиях бардака и неопределённости. Жара, ещё не кончилась

«Война в заливе», стреляют, нестерпимый запах гари и пота... Вот уж самое время изучать объекты интеллектуальной собственности!

Август 91-го. Как раз те три дня исполняю обязанности директора первого в стране акционерного общества. Народ кучкуется, на стенах листовки с разными призывами... В рабочее время, нарушая всё и вся, выпускаю работников через проходную института. Они зачем-то шли на Дворцовую площадь... Думаю, щас «Аврора» бахнет, и все побегут за матросами... Оказалось – опять революция! Мы победили! Кто мы? А вот, как говорил Талейран, завтра и решим... Всё-таки меня в пионеры принимали именно на этом крейсере.

Двухтысячный. Москва с терактами на Тверской и в троллейбусе у кинотеатра «Россия». Конечно же, я рядом! По скверной привычке в рабочее время гуляю в скверике около кинотеатра и мучаюсь вопросом, как же всё-таки примирить на этот раз троих бывших друзей, сдуру решивших

стать акционерами созданного ими банка, а заодно и сам банк спасти — не платить мошенникам по липовому векселю?

Позднее нечто похожее происходит в Питере. И надо же, как спланировали, гады! Именно когда я проезжаю мимо «Техноложки». Хорошо, что метро большое и там много всяких линий! В общем, затерялся... Но до сих пор нет-нет, а чувствую якобы «несуществующий» запах гексогена...

17-й год, октябрь — Барселона. Опять революция? Да нет! Пока только снова взрыв! Совсем рядом с домом, где я жил. Даже стёкла в окнах загудели... Уже через месяц под этими же окнами полиция из Мадрида водомётами и резиновыми пулями разгоняет очереди голосующих на референдуме за независимость. Всю ночь в ушах вой sireны машин скорой помощи...

А недавно умудрился присутствовать во время жуткой трамонтаны в Перпиньяне и урагана «Лесли» под Лиссабоном. Честно скажу: не хотел! Помню, моя машинка несётся по автостраде между пада-

ющими и уже поваленными деревьями и подпрыгивает, как блоха. И только один простой до невозможности вопрос гложет моё сознание: «Есть справа от меня огромная фура или её там уже нет?»

Вот и теперь... То ли високосный год, то ли мой, юбилейный... Здесь, в королевстве, как общий несменяемый фон бытия, уже который месяц грохот от отбойного молотка! Кто-то сильно хочет скovyрнуть ненавистную всем скалу... А рядом, в Барселоне, демонстрации. Опять хотят независимости... Перекрыт проспект Гран-Виа. Ночью, как и два года назад, жгут авто и мусорные баки. В воздухе пахнет «духами»... Миллионы жителей с разноцветными шариками и стуча сковородками, несколько дней топают в Барселону со всей Каталонии... Ну, эти хоть со своими туалетами! Этакое соединение упорства с принципиальной, внутренне мотивированной презумпцией ненасилия.

На два дня улетел в Париж... Там «жёлтые жилеты»! Оккупировали, понимаешь, Елисейские поля, а ночью, как и в Барселоне,

одинаково настырно жгут и авто, и магазины, и мусорные баки... Ну куда утомившемуся пенсионеру-кризиснику укрыться? Может, хочешь в музей? «Фига»! Лувр и Эйфелева башня закрыты, Нотр-Дам после пожара так и стоит без шпиля. Вместо него какой-то кран торчит. Того и гляди упадёт... Весь транспорт бастует. Утром люди идут на работу по грязным тротуарам плотными рядами, как ээки на зоне...

Мой обратный рейс отменили. Мол, ты же любишь бардак и неопределённость! Вот и любуйся, балдей и купайся в них!

Вернулся. А тут ураган. В отличие от португальского этот «Глория» называется. Трещат и падают деревья, рядом от удара молнии горит лес... Всюду шумят и мигают огни спецтранспорта. Ни света, ни тепла, ни мобильной связи... Дождь заливает всё, что возможно. Даже крышки люков выпрыгивают из-под асфальта дороги. Ничего так?!

Только убрали поваленные деревья – другое безобразие! Пандемия! Выход на улицу – полторы тыщи евро! В магазин и

аптеку – только один и только в маске и в перчатках! А их нигде нет... Во как! Это значит – отдай шестьсот! Вернулся домой – жди две недели! Вдруг «Он» всё-таки вцепился в тебя и теперь настырно лезет прямо в лёгкие, обманывая всех и вся на своём пути.

Третий раз отменяют рейс в Питер. Не дожидаться! Придётся пешком с чемоданом переходить границу где-нибудь под Нарвой. Так ведь опять эти ужасы! Именно в это время магнитные бури, парад планет, полнолуние и тут же лунное затмение. А главное, только в эти два дня июля в Таллин впускают пассажиров из Барселоны без двухнедельного карантина где-нибудь в госпитале...

Какой-то сюр! Вот-вот поднимется тяжёлый пыльный занавес, и начнется следующий акт всеобщего представления... Какого? А конец «плохого» почти всегда начало «хорошего»! И в жизни, и в словах. ПлоХОрошо...

Зато! Зато вокруг Барселоны вереск цветёт круглый год. Я знаю – он исцеляет

от любой жути. А «ландыши» растут прямо на «земляничном» дереве... Это же совсем другое дело! И аромат – тоже. Даже в грязном и бастующем Париже я отыскал самую узкую улочку города, где одно время жил и творил Бодлер. Вот кто умел в любом кошмаре отыскать крупинцы прекрасного! Здесь же, «на хуторе» близ Ситжеса, как бы напоминая о былом, хоть и преследует всех и всюду древнее дерево «Фига», а мой Масик нашёл таки себе подружку Эмму...

Хоть будет что вспомнить!

Но вот ведь напасть какая! Почему-то всегда сперва запахи ощущаю. А уж потом воскресают факты.

София-Антонина

Эссе

Вон там, на сосне, гнездо птиц – касито де пахаритос – птенцы уже выросли и теперь сами летают, где хотят. Но у нас на балконе есть для них домик из склеенных листов картона, с дверкой и окошком. Пусть сюда прилетают! Смотрите, как тут красиво и тепло! Внутри тряпочки, вокруг цветочки и ягодки... Еще нужно мыльных пузыриков туда... Открыла дверку, присела на корточки и пускает через соломинку мыльные шарики. Они переливаются всеми цветами радуги и там внутри лопаются. Но как красиво! Птички обязательно прилетят... хотя бы посмотреть. А чтобы все видели, как они радуются,

вдоль всего балкона напротив домика рас-
ставила стулья для зрителей.

Сколько радости, удивления, тревоги!
Мне кажется, она понимает, что я не знаю
язык, на котором она говорит. Никаких
проблем! Главное – чувствовать и сопереживать. А она это видит и радуется
тому, что вокруг все такие, как она, – лю-
бят птичек, хотят им добра и что-то дела-
ют для этого. Вместе с ней...

Содержание

От автора	3
Где-то там... (эссе)	5
«Трещины» во Вселенной (эссе)	10
Парикмахерская напротив (эссе)	25
Новые океаны (эссе)	29
Один рассказ... (новелла)	41
Дыхание времени (эссе)	44
Не в единении – наедине с самим собой...: вояж по двухтомнику «Избранное» (эссе)	52
Маленькая улочка в большом городе (очерк)	64
Щель в карантине (очерк)	92
Зеркало Любви: Шарль Бодлер. Муки творчества. Осуждённые стихи (рассказ)	99
Срывающая вереск... (психологическое эссе) ...	119
Предчувствие (эссе)	151
Прелюдия (эссе)	154
Пробуждение (новелла)	159
«Глория» (очерк)	165
Квант времени (очерк)	171
Запахи прошлого. Эпикриз (эссе)	175
София-Антонина (эссе)	185
Об авторе	188

ОБ АВТОРЕ

Борис Федорович Корнев (www.boriskornev.com) родился в Ленинграде 5 февраля 1950 года. Учился в ленинградской 392-й школе с углубленным изучением французского языка. Окончил химический факультет и аспирантуру Ленинградского государственного университета, в 1976 году защитил кандидатскую диссертацию. Работал в Институте Арктики и Антарктики, в Центре физико-химических исследований Министерства электронной промышленности, затем в отделе науки и учебных заведений ленинградского областного комитета КПСС.

В конце 1980-х годов на базе НИИ, КБ и опытных заводов Академии наук СССР создал первое в стране международное акционерное общество и в 1991 году был приглашен специализированными компаниями Лихтенштейна, Швейцарии и Израиля для обучения по программе «Бизнес-разведка, интеллектуальная собственность, компьютерные базы данных, управление в условиях неопределенности». Завершил профессиональную переподготовку на экономическом факультете и факультете психологии Санкт-Петербургского госуниверситета.

Свыше двадцати лет занимался реализацией антикризисных проектов в различных городах России и Европы. Работал с научными, производственными, страховыми и банковскими организациями различной формы собственности. Является членом международной ассоциации управленческого консультирования, автором научно-популярного издания «Немедленно ждать (Кризисный проект – управление отношениями и меняющимися ожиданиями)» (2009), получившего широкую известность у предпринимателей и управленцев.

С 2009 года издано и переиздано десять книг художественной прозы Б.Ф. Корнева. С 2011 года – член Союза писателей России. Прозаик, публицист, эссеист, член редколлегии альманаха «Северные цветы». Лауреат литературных премий: имени Николая Тихонова за повесть «Реальная четверка» (2013), «Наследники Победы» за повесть «Одна на всех...» и «Дальтоник» (2015). В 2018 году – дипломант Всероссийской литературной премии имени Алексея Толстого за сборник рассказов, эссе и новелл «Тайны „пылающего Разума“» о тайнах любви и творчества, о судьбе стихов французских поэтов Франсуа Вийона, Шарля Бодлера и Гийома Аполлинера.

Книги Бориса Корнева переведены и изданы на английском, французском и испанском языках. Они приняты в фонды национальных библиотек России, ряда европейских стран, Латинской Америки и Канады.